

Мария Аверина

КОНТУР ЧЕЛОВЕКА

Каждый
человек
всегда
чей-нибудь
ребенок

Мария Аверина

Контур человека: мир под столом

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аверина М. А.

Контур человека: мир под столом / М. А. Аверина — «Эксмо»,
2019

История детства девочки Маши, родившейся в России на стыке 80—90-х годов XX века, – это собирательный образ тех, чей «нежный возраст» пришелся на «лихие 90-е». Маленькая Маша – это «чистый лист» сознания. И на нем весьма непростая жизнь взрослых пишет свои «письмена», формируя Машины представления о Жизни, Времени, Стране, Истории, Любви, Боге.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аверина М. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Про моего папу, или Вместо эпиграфа	6
Рассказ первый	9
Рассказ второй	16
Рассказ третий	47
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мария Аверина

Контур человека: мир под столом

© Аверина М., текст, 2019

© Николаенко А., иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается

*Людмиле Борисовне Панишиной,
моей дорогой бабушке*

Все персонажи вымышлены.

*Любое совпадение имен и событий с реальными биографиями
является случайностью.*

Про моего папу, или Вместо эпитафии

Говорят, что у меня был Папа.

Я его никогда не видела, но Мама и Бабушка часто рассказывали мне про него.

Он не был высокого роста, как многие папы моих одноклассников, не посещал спортзал, тая «железо» в погоне за рельефными мышцами, и его фотография вряд ли украсила бы обложку глянцевого журнала. Он не был богат, как папа Наташи или Насти, не ездил на изысканной машине, а даже совсем наоборот: принципиально ходил пешком. Он не был знаменит, как папа Кати или Лены, и никогда к этому не стремился. Он не был плотником, сварщиком, строителем, актером, писателем, бизнесменом или рок-звездой.

Мой Папа был богомазом.

Невысокий, плотный, крепкий, он, заложив руки в карманы и по-птичьи склонив голову набок, мог часами стоять перед пустой белой стеной, которую назавтра начали бы готовить под роспись. Или сидеть, свернувшись калачиком, где-то в темном уголке церкви на какой-нибудь доске, которую забыли строители, восстанавливавшие храм, отрешенно скользя по неоштукатуренным еще кирпичам мягким, ласкающим взглядом, и время от времени улыбаться в свою густую рыжую бороду какой-то потаенной, светлой улыбкой. Спрашивать что-то в такие минуты у него было просто бесполезно: он либо отвечал односложно, коротко и невпопад, либо не отвечал вообще.

Таким, видимо, и застала его моя Мама, когда, гуляя с подружкой по парку, из чисто женского любопытства случайно забрела в один из свежевосстановленных усадебных храмов. Забрела и... осталась с Папой.

И вы знаете, я, наверное, ее понимаю!

А еще Папа любил бродить. Он мог неслышно исчезнуть из дома рано утром, не взяв с собой ни своего потрепанного рюкзака, ни денег, ни документов, и появиться, например, через два дня, неся за пазухой изношенной футболки где-то им самим нарванные дикие яблоки и груши, а в руках – огромный букет полевых цветов. Спрашивать его, где он пропадал, также было бесполезно. Он снова замолкал, опускал глаза, улыбался и... шел в комнату, где возле окна стояла подготовленная доска, на которой он начал писать икону. И снова он закладывал руки в карманы и снова часами, стоя, иногда что-то мурлыча себе под нос, смотрел на нее, не отрываясь.

Его мало интересовали деньги. Если они у него появлялись, то в доме в первую очередь пополнялся запас кистей, баночек с красками и еще каких-то таинственных приспособлений и предметов, предназначения которых Мама не знала, а Папа... Папа часами мог держать их в руках, не расставаясь с ними даже за обеденным столом.

Его мало интересовало, что он ел, во что был одет. Со временем, когда быт семьи властно стал вмешиваться в его вечное внутреннее одиночество, на все Мамины упреки он молча задумчиво смотрел ей в глаза, крутя в руках кисть, и она понимала: он ее не слышит. Потому что там, на доске у окна, уже появился край бездонного голубого неба, и он просто ждет, когда же его отпустят это небо дописать.

Однажды он так и ушел рано утром, когда все еще спали. И вместе с ним ушли, загруженные в его старенький вместительный рюкзак, баночки, коробочки, кисти, тряпки, палитры – другого имущества у него было немного. Ушел и... больше не вернулся.

Возле окна на специальной подставке осталась лишь небольшая подсыхающая доска с только что оконченной иконой «Умягчение злых сердец», где Божья Матерь, скорбно глядя в пустоту перед собой, терпит сумасшедшую боль от зачем-то воткнутой ей в грудь семи страшных мечей. Три справа, три слева и один снизу – когда я выучила цифры, я специально посчитала.

Икона так и осталась в нашей семье и почему-то ужасно меня пугала. Я часто украдкой, чтобы не видели взрослые, подходила к ней и долго-долго уговаривала Божию Матерь чуть-чуть потерпеть и поверить так же, как верю в это я, что однажды утром вернется мой Папа и я обязательно попрошу, чтобы он замалевал эти страшные железные штуки. И когда он избавит Божию Матерь от ее дурацких, бессмысленных страданий, тогда я поставлю возле иконы Папины полевые цветы в нашу с Мамой любимую вазу, а Божья Матерь перестанет смотреть в пустоту, обернется ко мне, и мы вместе весело рассмеемся над всеми страхами, которые нас с ней терзали столько лет.

Но Папа так и не вернулся. Какое-то время от него еще приходили письма – из тех городов, где он расписывал храмы, из тех монастырских церквей, где на стенах под его кистью раскрывали свои прозорливые глаза святые, смотрящие в наше туманное будущее.

Может быть, Мама ему не отвечала? Не знаю. Только через какое-то время прекратились и письма.

...За моей дачей – огромное поле. И когда на рассвете в руках своевольно бьется шланг, осыпаящий мой небольшой огородик брильянтовым веером брызг, я часто смотрю вдаль, на восход. И в нем мне мнится невысокая крепкая фигура человека, уверенно шагающая по стерне с закинутым за плечи тяжелым рюкзаком. Первые солнечные лучи играют отчаянно-рыжими вихрами, поднимая над вечно встрепанной, жесткой, как и у меня, копной невысокий золотистый ободок.

Куда ты сегодня держишь путь, мой Папа?

Но он не оборачивается...

Рассказ первый

Как я родилась?

Неудачно.

Ну, то есть я, наверное, так не считала – я этого не помню.

Но специалисты-врачи были в этом твердо уверены, полагая, что лучше родиться семи-месячной, чем восьмимесячной.

С Мамой моей об этом беседовать было бесполезно. Ибо сразу после моего появления на свет она занялась спором с Богом: не пора ли ей к нему в ведомство или еще можно немножко потоптать землю. Поэтому суровые специалисты позвонили моей Бабушке.

– Вы знаете, – начал врач, осторожно подбирая слова, – ребенок очень плох. Мы не слишком уверены, что доживет до завтрашнего утра... Видите ли... если хоронить... нельзя, чтобы она была безымянной. Езжайте в загс, вам нужно успеть...

Вторая половина дня. Заливаясь слезами, Бабушка поехала домой, схватила необходимые документы и помчалась в загс. Но у сотрудницы, ведающей этими делами, уже закончился рабочий день, и она наотрез отказалась меня регистрировать. Тогда Бабушка встала в дверях кабинета и поклялась, что не выпустит ее, если та немедленно не выдаст свидетельство о моем рождении. Потому что уже завтра Бабушка придет к ней за моим свидетельством о смерти.

– Сумасшедшая какая-то, – испугалась работница загса и на всякий случай решила не перечить.

Придвинув к себе бумаги, недовольно поджав губы, она засыпала Бабушку вопросами:

– Как зовут мать ребенка? Год ее рождения? Как зовут отца ребенка?

Бабушка растерялась... перепутала отчество моего отца, год и место его рождения... Но работница загса так торопилась, что даже не стала ничего проверять. А может быть, ей было все равно? Ведь она помнила, что уже завтра ей придется оформлять на меня совершенно другие бумаги.

– Как зовут ребенка?

Не тормозя ни секунды, Бабушка выпалила:

– Маша. Девочку зовут Маша.

Имя явно было первым, которое пришло в голову, но какая уж в этой ситуации была разница?

Домой она вернулась с заветной зелененькой «корочкой» в руках. Села, обессилив, на стул посреди комнаты, сумку как попало бросила на кровать и долго-долго смотрела на старую, доставшуюся ей от бабушки, почерневшую икону Божьей Матери, что висела в углу.

– Вот, – сказала она, глядя Деве Марии прямо в глаза. – Она тоже Маша. Как ты...

И опять заплакала.

– Скажи мне, Мать Божья, чем я тебя так прогневала?... Дочь при смерти... внучка до утра не доживет...

Она потянулась к сумке достать сигареты. Надо заметить, что дымила моя Бабуля тогда как паровоз – не менее двух пачек в день уходило у нее на успокоение своих издерганных нервов. А уж когда к ней приезжала в гости ее любимая подружка Тетя Тамара и они забалтывались на кухне до утра – там и вовсе никто не считал, а просто вычищал к рассвету переполненные пепельницы.

Надорвала новую пачку, закурила, глубоко затянулась... Поперхнулась дымом – или слезами? – закашлялась...

– Черт бы тебя побрал, клятое зелье! Знать бы, что она выживет, – бросила бы совсем...

И, не докурив, яростно раздавила сигарету в пепельнице.

Прилегла, не раздеваясь, – роковой звонок из больницы мог раздаться в любой момент.

Утро наступило по-августовски прохладное и серенькое. Моросил уже какой-то вполне осенний дождичек... Да так все было уныло, что на кухне пришлось зажечь свет.

Кофе, конечно же, убежал. Молоко на дождик скисло. Пришлось глотать горькую жижу (а заварила Бабушка покрепче, учитывая, что спала вполглаза) без всякого удовольствия.

Тело ломило. Голова гудела. Глаза опухли от слез.

И тут вдруг Бабушка сообразила, что звонка из больницы не было!

Она привычным движением нащарила пачку, поднесла сигарету к губам... И вдруг отложила, не позволяя, однако, надежде слабым росточком заколоситься в душе.

Позвонить самой? Или поехать? Или сидеть ждать?

Но сидеть и ждать, будучи одной в четырех стенах квартиры, было просто невыносимо. И она поехала в больницу.

Конечно же, работала другая смена врачей. Пришедший по Бабушкиному вызову реаниматор долго не мог понять, чего она от него хочет. Какая девочка? Какая Маша? Какое свидетельство о рождении? Кто должен умереть?

Ему пришлось подняться в отделение, посмотреть какие-то бумаги, снова спуститься, чтобы с раздражением сообщить: никаких поводов для столь бурной женской истерики он не видит. Девочка, о которой идет речь, не только жива, но и переведена из реанимации в специальное отделение. Он предложил Бабушке двадцать пять сакраментальных капель успокоительного и – пройти к ожидающему ее визита больничному юристу.

От капель Бабушка отказалась. На ходу нащаривая пачку сигарет, она без счета раз сворачивала за какие-то углы бесконечного и однообразного больничного коридора в поисках выхода во двор. Но все двери на все лестничные клетки были надежно заперты, у балконных – откручены ручки, посему покурить тут явно было негде. Раскопки в сумке пришлось прекратить.

– Присядьте, и давайте поговорим спокойно! – сразу предостерег Бабушку юрист, взглянув в ее безумные, опухшие от слез глаза.

Он был настолько любезен, что налил ей кофе, предложил к нему печенье и наконец придвинул к себе бумаги.

– Вам прежде всего нужно попробовать осмысленно отвечать на мои вопросы.

– Ага! – ошеломленно кивнула Бабушка.

– Видите ли... учитывая всю сложную ситуацию, в которой вы оказались... за невозможностью поговорить с матерью... **пока** невозможностью, – торопливо поправился он, – мне придется сделать это предложение вам... как самому близкому родственнику девочки.

– Маши, – поправила Бабушка.

– Да, Маши, – о чем-то досадуя, сказал юрист.

– Так вот... – Он явно мялся и чего-то недоговаривал. – Скажите, а вы кем работаете?

– В институте... английский преподаю.

– Вы готовы будете бросить работу?

– Зачем? – перепугалась Бабушка. – На что же я жить буду? Я и так едва вытягиваю... заочники, вечерники, на курсах подрабатываю... кручусь как сумасшедшая... время-то сейчас сами знаете какое...

– Вот... в этом-то и проблема... Дело в том, что девочка...

– Маша, – снова настойчиво поправила Бабушка.

– Да, Маша, – поморщился юрист. – Она еще очень долго будет нуждаться в специальном уходе... Совсем специальном... И вы его ей вряд ли сможете обеспечить.

– Она что... даун? – перепугалась Бабушка и опять полезла в сумку за сигаретами, но сообразила, что закурить в кабинете больничного юриста, видимо, будет не очень прилично.

– Что вы, что вы! – замахал руками юрист. – Господь с вами... Нет, конечно... Но... поймите правильно... Мать при смерти... И врачи пока не знают, чем все это кончится... Девочка тоже очень плоха... А через какое-то время ее состояние может значительно ухудшиться... И это скажется на общем развитии... Чтобы все это предотвратить, требуется специальный, квалифицированный медицинский уход, который вы, как я понимаю, обеспечить девочке... м-м-м... Маше не сможете. У вас на это нет ни времени, ни средств, ни соответствующих навыков...

Бабушка молча плакала.

– Поэтому я предлагаю, – собрался с духом юрист, – переместить девочку...

– Машу!

– Да-да, конечно, Машу... простите... Переместить девочку Машу в специализированное медицинское учреждение, где умеют ухаживать за такими тяжелыми детьми.

– Как же я... родную внучку... в детдом... отдам... – Тут Бабушка уже зарыдала.

– Нет, нет, нет... Перестаньте плакать, – юрист совсем растерялся, – подождите. Вам никто не предлагает оставить ее насовсем. Вы сможете навещать девочку по выходным...

– Всю жизнь?

– Господи, да зачем же всю жизнь? – Юрист, похоже, терял терпение. – Экая вы, право, бестолковая. Все у вас крайности... Критическая ситуация или проявит себя, или *не* проявит, – тут он опять сделал особый акцент, – вплоть до четырех лет. За это время, простите... определится ситуация с матерью... Вам ведь непосильно будет ухаживать за обеими в случае чего... – И юрист опять сбился с мысли.

– В случае чего – это чего? – воззрилась на него Бабушка.

– Ну, в случае если мать... м-м-м... выживет, за ней тоже какое-то время потребуется серьезный уход... и может быть, длительное время... – выпалил юрист, сел и вдруг рассердился: – Короче! Если вы хотите сохранить жизнь внучке... м-м-м-м... Маше... ее матери и себе, подпишите мне эти бумаги! – грозно потребовал он. – Через неделю девочку перевезут в один из лучших специализированных домов ребенка. Вы будете туда ездить. А к четырем с половиной годам заберете домой. Все. Будете подписывать?

Вконец перепуганная Бабушка все подписала.

И помчалась через больничный двор в другой корпус больницы – к Маме, на бегу выпивая-таки из сумки сигареты. Но только она собралась чиркнуть спичкой о коробок, как ее грозно осадил проходившая мимо женщина в грязном белом халате:

– Не курят у нас!

Бабушка послушно кинула смятую сигарету в урну и сунула пачку обратно в сумку.

Через неделю, когда с пеленками, распашонками, одеяльцами, коляской и прочей детской дребеденью она приехала по указанному адресу, встретили ее там вовсе не ласково.

– Зачем это вы все приволокли? Тут ничего этого не надо – у нее все есть. Государство позаботилось.

– А мне не надо, чтобы о моей Маше заботилось государство! – категорично заявила Бабушка. – У Маши есть Бабушка! И она о ней позаботится сама.

– Ну-ну, – цинично улыбнулась дежурная. – Вы тут все первое время у ворот слезы льете, передачи носите... а потом поминай как звали...

– Вот что, милая, – решительно сказала Бабушка. – Проведите-ка меня к моему ребенку и покажите мне, куда поставить коляску. Скажите, к какому врачу я должна обратиться, чтобы узнать, в чем она еще нуждается. А будете так себя вести, я напишу на вас жалобу главврачу.

Тетушка прикусила язык, перекатила коляску под лестницу и повела Бабушку наверх, в палату.

Конечно, я этой встречи не помню. Но просто уверена в том, что она была радостной для обеих. Тем более что Бабушка утверждает: из десяти стоявших в палате специальных кроваток она, просто ни на секунду не колебавшись, безошибочно выбрала мою. И совсем не

потому, что прочла висевшую на бортике табличку «Маша» – надпись она увидела потом. Просто девочка, лежавшая в этой кроватке, была единственной, которая открыла глазки и повернула головку в сторону двери в тот момент, когда Бабушка переступила порог палаты.

Так началась эта четырехлетняя «вахта».

Маму выписали из больницы только через полтора месяца, но она еще долго лежала у Бабушки дома. А как совсем выздоровела и окрепла, снова вынуждена была вернуться на Север: денег в нашей маленькой семье мучительно не хватало.

Бабушка с Тетей каждые выходные и праздничные дни проводили за городом: в небольшом, окрашенном облупившейся розовой краской доме с колоннами, окруженном огромным, переходящим в лес парком. Сперва меня возили в коляске, которая с того первого дня так и «прописалась» под лестницей. Потом, когда я начала ходить (а, к великой радости Бабушки и врачей, пошла я довольно рано), водили за ручку или относили к небольшому лесному озерцу, в котором теплыми летними днями я плескалась вместе с Тетей... У меня была куча игрушек, платиц, ботиночек, ленточек для моих выющихся отравставших кудряшек. У меня было все, кроме... желания говорить и общаться с людьми.

Да-да! Вот это я уже очень хорошо помню, как сидевшая на бортике песочницы воспитательница помогала мне лепить куличики и внятно, раздельно, вероятно, надеясь вытянуть из меня хоть слово, произносила:

– Смотри, Маша, какой хороший куличик у тебя получился... Ку-ли-чик... песо-чек... со-во-чек...

Я смотрела на воспитательницу и думала: «Куличик... песочек... совочек... ведерко... формочка... Зачем ты мне все это говоришь? Скажи лучше, когда приедет Бабушка?»

Бабушка приезжала, и воспитательница, видимо, уже решившая для себя, что я безнадежна, деликатно и иносказательно, чтобы не потревожить и без того напряженные «родительские» чувства, привычно повторяла:

– Да дела у нас пока... никакие... Опять она целый день просидела, смотря в одну точку... Она у вас как кукла тряпичная: посадили – сидит, поставили – стоит. И ничего не говорит... ну, совсем ничего... даже когда плачет – молча...

– Неужели все-таки?.. – волновалась Бабушка.

– Не знаю, – уклончиво отвечала воспитательница. – Вам лучше справиться у лечащего врача.

Но и лечащий врач не испытывал особого оптимизма. Чем ближе подходили мои четыре с половиной года, тем настойчивее заговаривал он с Бабушкой о том, что девочку надо будет переводить в следующее специализированное медицинское учреждение.

Однако Бабушка была непреклонна. Она требовала, чтобы готовили документы на выписку, оформляла опекунство и каждый раз, приходя ко мне, рассказывала, что она уже купила мне кроватку, чудесного фиолетового пластмассового зайца с колокольчиком и на колесах, а соседка Нина Ивановна с первого этажа даже отдала для меня свою «наградную» от завода огромную оранжевую неваляшку...

– Машенька! Понимаешь, неваляшка! Ее роняешь, а она сама встает! Ее зовут так же, как и тебя, – Маша. Только сюда я ее уже привозить не стану – дома будешь играть. Ты меня слышишь? Ты рада?

Но я молчала. Воспитательница торжествующе хмыкала и пожимала плечами. Я же в такие минуты, переводя на нее взгляд, думала: «О чем мне с вами тут всеми разговаривать? «Песочек», «совочек», «ведерко»... Там, за стенами этих душных, пропахших глаженными пеленками и лекарствами комнат, за границами этого гигантского парка, там, откуда приезжает моя нарядная, окутанная духами, теплая, родная Бабушка, – огромный мир. И наверное, он будет поинтереснее, чем вечные куличики в песочнице, манная каша на завтрак и изрядно надоевшая мне игровая комната, узоры на ковре которой я знаю наизусть – каждую завитушку, каждый лепесточек цветка и каждую ворсинку».

Я молчала и ждала... Ждала того дня, когда за мной приедет Бабушка, возьмет меня за руку, и мы выйдем с ней за ворота этого убогого мира куда-то туда, куда я еще, конечно, не представляла, но точно знала, что мне там будет гораздо интереснее, чем здесь.

И вот этот день наступил.

Была весна. У ограды нашего дома цвела сирень, и, когда Бабушка приехала, я как раз заканчивала изучать ветку, которая не только одуряюще пахла, но и поразительно красиво сочным фиолетовым цветом рисовалась на фоне бездонного голубого неба.

– Маша! Маша! Где ты?

– Да вон она, – бесцветно ответила воспитательница. – Час уже стоит как вкопанная... Упрямая... вы намучаетесь... Ну, да это ваше дело!

И стала собирать детей, чтобы отвести их наверх, в столовую.

– Вы кормить-то ее сегодня у нас еще будете? Или так поедете?

– Нет! – крикнула ей вдогонку возбужденная и суетящаяся Бабушка. – Мы сейчас переоденемся и поедем домой. Дома уже и поедим. Я такой супчик сварила. Да, Маша?

Бабушка приехала одна, без Тети. Передела меня в привезенное с собой новое платье, сандалики, завязала мне бант из новой ленточки.

– Мы с тобой, Маша, ничего отсюда брать не будем. Пусть все твои игрушки другим деткам останутся. И платьица... А мы другие купим, правда?

Но я по-прежнему молчала. Я молчала, потому что до последней минуты не верила, что эти тяжелые ворота откроются не только для Бабушки, но и для меня. Я никогда не была за ними, но откуда-то знала, что когда-нибудь шагну в тот мир, который снился мне ночами в виде огромного моря, гор, необъятных зеленых полей, высоких, ярко светящихся домов и стремительных машин. Все это я видела по телевизору в холле нашего дома, и раз там это показывали, можно ли было сомневаться, что все это существует? Я молчала и ждала, чтобы ни одно лишнее слово не спугнуло медленно подбирающегося ко мне счастья.

Бабушка взяла меня за руку, и мы пошли по песчаной тропинке к воротам. Они открылись и... закрылись за нами. И никто нас не задержал. И никто нас не догнал, чтобы меня забрать, сколь долго бы мы ни шли потом дорожками большого запущенного лесопарка. И даже когда выходили из него, я все еще боялась, что какая-нибудь досадная случайность заставит меня вернуться.

Но – нет. Хлопнула деревянная калитка, мы оказались на шумной автостраде, по которой совсем не спеша полз троллейбус.

– Бабушка, – спросила я. – А мы на троллейбусе поедem?

– Что??? Что??? Что ты сказала???

– Я спросила, мы на троллейбусе домой поедem? – удивилась я.

Но Бабушка почему-то не ответила, а схватила меня на руки и начала целовать.

Да. Забыла сказать самое главное.

С той самой ночи, когда она беседовала с Божьей Матерью, моя Бабушка больше никогда не курила...

Рассказ второй

Как я сломала время, или Вчера, сегодня, завтра

Это утро для меня стало каким-то особенно тоскливым. И все вроде было как всегда: хрипящий звонок будильника в Бабушкиной комнате, тягостное томление в душе от необходимости вставать затемно, Бабушкино бодрое «Подъем, подъем, подъем! В сад опоздаем!», озноб при вылезании из теплой постели, серая морось поздней осени за окном, теплая-теплая вода из крана, которую хотелось не закручивать, а, напротив, отпустить, плеснуть в ванну из моей заветной Белки-бутылочки любимой земляничной пенки, закутаться в нее, обнять Желтую Лодочку и... никуда-никуда не ходить.

Все было как всегда и... что-то не так. Что-то грозное, давящее, темное зависло в воздухе, и это «что-то» неумолимо и неминуемо надвигалось на меня.

Я так и не смогла потом привыкнуть к тому, что меня стали частенько оставлять на ночь в детском саду. Как и к тому, что никогда не предупреждали об этом с вечера... Как и к тому, что, собираясь с Бабушкой выходить из дому, я, как и в это первое тягостное утро, уже совершенно точно откуда-то знала, что вернусь к своим Слонику и Мишке совсем не скоро.

Не скажу вам, как я об этом догадывалась. Может быть, Бабушка была озабоченнее, чем всегда, чаще сердилась, тщательнее собирала мне в садик вещи... А может быть, и нет... Однако то, что она оставит меня ночевать в саду, – верите? – я всегда знала заранее, до того, как мне об этом объявят.

И тогда начинала сердиться я. Капризничала, потому что колготки вдруг срочно переставали натягиваться на ноги, упрямо перекручивались, напяливая пятку на пальцы и мерзко натирая складкой кожу икры. Раздражалась, потому что куда-то девалась расческа, а шнурки на ботинках не хотели завязываться, молния на куртке, как нарочно, застревала, зажевывая откуда-то выбившуюся нитку или край ткани.

После всех этих мытарств мы выходили из дому, и я опять же совершенно точно знала, как и в то самое первое злосчастное утро, что, когда мы начнем поворачивать за угол нашего дома, Бабушка неправдиво-спокойным тоном скажет:

– Машуня... я сегодня за тобой прийти не успею. Я приду завтра к вечеру.

– Да, Бабушка, – так же ровно и неправдоподобно спокойно отвечала я. – Хорошо. Я очень буду ждать тебя завтра.

– Ты переночуешь в саду. Хорошая нянечка дежурит, я специально узнавала...

– Хорошо, Бабушка...

– Ну, ты же понимаешь, что с вечерниками я закончу только к двенадцати ночи! Зинаида Степановна, видишь, уехала... Света приболела... – почему-то серьезно сердясь, начинала оправдываться Бабушка.

И я, сдерживая из всех сил закипающие слезы, как можно ровнее говорила:

– Конечно. Мы же договорились...

Ну, вы-то понимаете, что, о чем бы мы ни договорились, я очень боялась, как когда-то, остаться совсем одна? Я хорошо помнила те тяжелые ворота, за которые мы когда-то с ней вместе вышли. Помнила, как не верила, что эти ворота меня не задержат: мне до последней минуты казалось, что Бабушку они выпустят, а я останусь. Останусь, чтобы снова долгими однообразными днями бессмысленно сидеть в песочнице или на ковре в игровой и думать только об одном: когда за мной придет моя Бабушка?

Но в то первое страшное утро, загребая ботинками по мокрому асфальту, я была озабочена и еще одной, не менее серьезной проблемой. «Завтра». «Завтра» – это когда? Как и когда оно должно прийти, это самое «завтра»? Ведь там, за теми тяжелыми воротами, в том

облупленно-розовом доме с колоннами, окруженном глухим однообразным парком, это самое «завтра» так томительно долго не наступало.

Как только Бабушкина спина исчезла за поворотом лестницы, ведущей из нашей группы к выходу на улицу, внутри меня словно что-то оборвалось. На ватных ногах, с непривычным шумом в ушах я вошла в столовую и уселась на свое место завтракать. И даже съела в рассеянности две или три ложки ненавидимой мной манной каши – чтобы ко мне не приставала воспитательница и, чего доброго, не начала меня ею кормить. Потом я не хотела ни с кем играть, а забилась на подоконник за штору и долго-долго смотрела сквозь мокрое стекло на облезшие, почерневшие, продрогшие от ноябрьской сырости деревья. И на прогулке сидела в уголке на веранде и даже не шалила, чтобы воспитательница своими надоедливymi наставлениями не мешала мне думать об этом самом «завтра».

«Я приду за тобой завтра...»

Что же это все-таки такое – «завтра»? Через сколько же оно наступает? Думала я об этом не переставая, даже не заметила, что на обед давали.

– Марьстепанна! А что такое «завтра»?

Воспитательница, которая в этот момент помогала Руслану расстегнуть молнию на вязаной кофте, обернулась:

– Завтра? Это следующий день. Это то, что еще не наступило, то, что будет.

– А следующий день – это когда?

Она немножко задумалась.

– Следующий день – это и есть завтра.

– А как понять, что день уже следующий?

Воспитательница бросила возиться с молнией Руслана и подошла ко мне.

– Ты сегодня спала? – спросила она меня, помогая переодеться в пижаму.

– Да.

– Значит, день до того, как ты легла спать, был вчера.

– Вчера?

В голове моей что-то застряло и запуталось.

Воспитательница, видимо, это поняла и, застегнув на мне пуговицы пижамной курточки, сказала:

– Ну, смотри: сейчас мы с тобой находимся в «сегодня». Я тебя сегодня ругала?

– Нет.

– А когда вы с Сережей бегали по группе и оборвали штору на окне – помнишь?

– Да.

– Вот это было вчера. И я тебя ругала. А сейчас у нас с тобой «сегодня», вы с Сережкой не бегали, штору не обрывали, и я тебя не ругала. Поняла?

Я подумала и кивнула.

– Ну, вот и хорошо. Беги в кроватку, спать пора.

И, оглядев всех, кто еще копался у своих шкафчиков, стала поторапливать:

– Дети! Не копаемся! Тихий час уже начинается!

Забравшись под одеяло, по которому весело скакали желтые утята, я стала размышлять. Значит, вчера – это точно не «сегодня». Между ними надо поспать. Это понятно. Но завтра... как наступает завтра?

Тут как раз Марьстепанна подошла к моей кроватке проверить, сплю я или нет.

– Марьстепанна, – прошептала я. – Если между вчера и сегодня надо поспать, то между сегодня и завтра – тоже?

– Умница, – улыбнулась Марьстепанна. – Сама догадалась. Теперь закрывай глазки и поворачивайся на бочок.

И может быть, впервые в жизни я послушно повернулась на бочок и закрыла глазки. Если для того, чтобы наступило «завтра» и за мной пришла Бабушка, нужно всего лишь поспать, то, конечно, я изо всех сил постараюсь это сделать! Я стала представлять, как она поднимается по лестнице на наш этаж, всегда видимая по частям: сначала появляется ее шапка, потом – голова, потом – воротник пальто, потом становится видна сумка, а потом на последней ступеньке уже стоит целая моя дорогая любимая Бабушка. Меня, правда, несколько тревожила мысль о том, что обычно, отводя меня в сад, она не говорит, что заберет меня завтра. Но вскоре эту мысль сменила другая – о том, что когда я посплю и Бабушка придет, то мы, вернувшись домой, наверняка будем ужинать пушистыми горячими оладушками с ароматнейшим клубничным вареньем. И я сперва буду вылавливать самые маленькие и самые целенькие ягодки, а потом ложкой густо размазывать розово-красный сироп по желтоватой пористой поверхности пышущего жаром аккуратного кружочка, а потом долго-долго, с томительным наслаждением облизывать ложку, и на зубах будут сладко похрустывать мельчайшие клубничные семечки...

Проснулась я как-то сразу, внезапно и очень бодрой. Оставалось еще пополдничать, одеться на прогулку и... ждать Бабушку.

Но вот уже пришел папа за Русланом. Вот мама Леночки забрала не только ее, но – заодно! – и Катю. Наша детская площадка стремительно пустела, а Бабушка все не приходила и не приходила.

– Марьстепанна! А когда придет моя бабушка?

– Что, Машенька? – рассеянно переспросила воспитательница, отвлекаясь от разговора с мамой Павлика. – Твоя бабушка? Нет, мы с тобой сейчас пойдем в группу, ты же сегодня в детском саду ночуешь. Бабушка придет завтра.

У меня даже слезы из глаз брызнули от обиды.

– Но ведь «завтра» уже наступило! Я же поспала!

Тут мама Павлика внимательно посмотрела на Марьстепанну, присела возле меня, достала носовой платок, высморкала мне нос, утерла слезы и сказала:

– Хочешь, я тебе на ужин печенья оставлю? Павлик, поделимся с Машей твоим любимым печеньем?

Павлик недовольно засопел, но потом важно махнул пухлой ладошкой:

– Ладно. Отсыпай!

И мама Павлика, достав из сумки пакетик, переложила в него из другого пакетика несколько каких-то затейливо завернутых крендельков.

– Вот тебе, Машенька, чтобы не было скучно бабушку ждать. А бабушка твоя обязательно завтра за тобой придет! Не плачь! «Завтра» – это очень скоро. Поужинаешь, поспишь, проснешься, поиграешь с ребятами – и придет бабушка.

– Но я же уже поспала! Вы же сказали – поспишь, и будет завтра! – упрямо настаивала я.

– Но ты же днем поспала, – вмешалась Марьстепанна. – А чтобы завтра наступило, нужно поспать ночью.

К этому моменту на нашей площадке мы остались одни. Воспитательница поспешно попрощалась с мамой Павлика и, взяв меня за руку, повела в группу.

– Анна Ивановна, вы тут? – крикнула она, закрывая за собой дверь. – Мы с Машей пришли. Принимайте!

И слегка подтолкнула меня навстречу нянечке.

– Ей уже пора поужинать и готовиться ко сну. Вот тут крендельки какие-то ей мама Павлика оставила, чаю вместе попьете. А я, – весело нараспев затянула она, – побежа-а-а-ала собираться. А то меня уже жду-у-ут...

Присев за свой стол, воспитательница стала спешно запихивать в свою сумку какие-то мелочи, параллельно, глядя в маленькое зеркальце, подкрашивая губы и, распустив волосы, как-то по-особенному начесывая до того момента ровно свисавшую челку.

Стоящая в дверях столовой нянечка Анна Ивановна расстегнула на мне куртку, помогла снять сапоги.

– Машенька! Ты подбери пока игрушки, потом помой ручки, а я тебе покушать согрею.

И я осталась посреди игровой совершенно одна. До этого момента я никогда не задумывалась о том, как выглядит детский садик после того, как мы все ушли. А тут вдруг ощутила, что наши уютные комнаты на самом деле необыкновенно длинны и широки и что в них очень высокие потолки, чего совершенно не видно, когда с топотом, визгом и гиком в них возится множество детей. Более того, всем всегда казалось, что места нам для игр не хватает, поскольку то и дело в течение дня в разных уголках группы вспыхивали ссоры: кто-то кого-то откуда-то обязательно выгонял, чья-нибудь игра заступала на территорию чужой, какая-нибудь неосторожная пятка случайно ломала с такими трудами выстроенную высоченную башню, какой-нибудь кукле или «маме с коляской» обязательно надо было совершать «прогулку» именно там, где проходили «гонки».

Сейчас же такие привычные и знакомые, наши комнаты стали какими-то чужими, пустыми и холодными. За колоссальными оконными плоскостями стояла глухая ночь, и потому они, словно черное зеркало, отражали все, что происходило в группе. В них, словно в вывернутую наизнанку картинку игровой, время от времени вдруг вторгалось что-то чужеродное и потому – страшное. Это деревья, неловко и нелепо размахивая голыми ветками, по воле сильного осеннего ветра то и дело приникали прямо к стеклу, словно любопытствуя, что же здесь у нас, в тепле и при свете, такого происходит? В такие моменты на них попадал льющий из наших окон электрический «дневной свет», чье мерное жужжание внезапно тоже стало слышно в непривычной, прямо какой-то ватной тишине. И тогда их привычные, миллион раз рассмотренные и изученные днем очертания, в мутно-белесовато-синеватом искусственном освещении выглядели мертвенными и зловещими.

Я ощущала себя совершенно потерянной: всегда представлявшиеся мне вблизи такими большими воспитательница и нянечка теперь на этих непомерных, несоразмерных, отдающих эхом комнатных просторах показались мне не только далекими-далекими, но и... какими-то очень маленькими. А потом я вдруг почувствовала, что я еще меньше, чем они, и... мне окончательно стало страшно.

– Ну, чего ты стоишь? – весело спросила Марьстепанна, и было件нятно, что мысленно она уже давно не здесь, не со мной. – Чего плачешь? Ты же не одна, не на улице. Ты в тепле, с нашей добрейшей Анной Ивановной. Сейчас покушаешь, ляжешь спать в своей постельке. А завтра утром прибегут все твои друзья-подружки, вы будете играть, время и пролетит незаметно...

– А что такое время?

Воспитательница опустила зеркальце и внимательно посмотрела на меня.

– Время? М... м... м... – Она стала беспомощно оглядываться вокруг себя, явно не зная, что мне вот так вот, что называется, «с лёту» об этом сказать. – Время... ага... время...

Тут она взяла меня за руку, подвела к большому кругу, висевшему на стене, и сказала:

– Вот, смотри! Это – часы. В них живет Время. Видишь, стрелочки?

Я кивнула.

– Они показывают, как оно идет. Большая тебе сейчас неинтересна. А вот маленькая стрелочка – видишь?

Я опять кивнула.

– Она сейчас на семерке. Это цифра такая, – и Марьстепанна показала на какую-то закольцовку, похожую на кочергу, которой Бабушка на даче шуровала в печке. – Так вот Время отсюда должно по кругу пройти два раза. Когда маленькая стрелочка второй раз будет показывать «семь», наступит твое «завтра» и придет твоя бабушка. Поняла?

Честно говоря, я поняла не очень, но на всякий случай опять кивнула. Мне нужно было подумать.

– Короче, – теряла уже терпение воспитательница. – У бабушки дома есть такие же часы. Она на них смотрит, и как только стрелочка второй раз придет на эту цифру, бабушка появится на пороге. Поняла?

Мне ничего не оставалось, как опять кивнуть.

– Ну и хорошо, – с облегчением вздохнула воспитательница и хотела было уже вернуться к своему столу, но я ее остановила:

– Марьстепанна! А чем «завтра» отличается от «сегодня» или от «вчера»?

– Ну, это как раз очень просто: вчера мы всегда знаем, что было, а вот что будет завтра... – Тут она почему-то улыбнулась, видимо, каким-то своим мыслям. – Что будет завтра – этого никто никогда не зна-а-ет!

И пока, напевая, она застегивала сумку, тщательно выпускала и расправляла челку из-под шапки и надевала перчатки, я, не отрывая взгляда, внимательно смотрела на маленькую стрелочку. Особого желания «идти» или «лететь» по пути Времени у нее не наблюдалось, она прочно приросла к показанной мне «кочерге».

– Марьстепанна! Марьстепанна! А если время не пролетит и завтра не наступит?

Воспитательница, которая уже было выпорхнула в двери группы, остановилась, помялась и, вернувшись, опять присела возле меня:

– Машенька! Время не пролетать не может. Оно никогда не останавливается. – Тут она опять замаялась, видимо, не зная, как мне это объяснить быстро. – Короче... я уже опаздываю... все тебе завтра объясню, ладно?

И я опять кивнула. Что мне еще оставалось, если в это самое неизвестно когда наступающее и наступающее ли вообще «завтра» упиралось теперь практически все?

– Ну, вот и хорошо, – с видимым облегчением сказала воспитательница. Она явно очень торопилась. – Не будешь плакать?

Я, сглотнув слезы, мотнула головой.

– Ну, тогда я побежала! До завтра! – И она застучала каблуками, сбегая по ступенькам в свою большую жизнь, которая, наверное, была у нее более интересной, чем двенадцатичасовая возня с двадцатью тремя чужими гомонящими галчатами.

Анна Ивановна, гремя тарелками, накрывала нам ужин. Я все так же стояла посреди группы и не отрываясь смотрела на маленькую стрелочку, которая упорно не собиралась сдвигаться с места.

Что-то тут было не так. Время должно лететь – так сказала Марьстепанна. Мы пускали стрелу из лука, который принес Валерка, – она летела прямо вперед. Камень в озеро тоже летел прямо – я знаю, много раз бросала на прогулке с Бабушкой. Играя, мы кидали друг в друга мячом – он тоже летел прямо в того, в кого целились. Но передо мной на стене висел круг. Куда же тогда, позвольте спросить, полетит это самое Время?

Моя руки, я занялась тщательным обдумыванием этого факта. Может быть, кружок – это та же прямая линия? Говорила же это Марьстепанна сегодня на занятиях, когда мы учились рисовать яблоко? Прямая, которая загибается, чтобы вернуться обратно, в ту же точку, из которой она вышла. Прямая, у которой целью является собственное начало. Я вспомнила, как, помогая нам, воспитательница подходила к каждому, зажимала наш кулачок с карандашом в своей руке и тащила по белой поверхности листа изгибающийся цветной след, пока не приводила его обратно к тому месту, с которого грифель начинал скользить по бумаге.

Тогда получается, так же будет и с часами? Хорошо. Это понятно.

Но лететь – это быстро, которое я вижу. Камень летит и исчезает в воде, мяч летит и почему-то всегда ударяет Павлику в голову. Птица летит от крыши дома и садится на ветку дерева. Я *вижу*, как они из откуда-то вылетают и куда-то прилетают.

А тут, во-первых, стрелочка не только не летит, но и уже очень долго вообще не сдвигается с «кочерги», вон Анна Ивановна уже даже кушать села. Во-вторых, прочертив круг, она же к *той же* закорючке и вернется! Но какая же разница тогда, сколько раз она так сделает?! Ведь «сегодня» и «завтра» – это не одно и то же! А получается, что Время делает круг и опять придет в «сегодня», которое поэтому не сменится на «завтра»? То есть Время ходит по кругу! Значит... оно стоит на месте! И при чем тут тогда «поспала – не проспала»?.. При чем тут «вчера» или «сегодня»? И главное, почему же никто тогда не беспокоится, что «завтра» поэтому, может, никогда и не наступит?

– Машенька! Что ты там часы гипнотизируешь? Иди, детка, ужинать, а то вермишель с котлеткой остынут.

Ошеломленная своим открытием, я села за стол, ковырнула было вилкой горку белых тонких палочек, серый камушек котлеты, но... кусок не лез в пересохшее горло.

– А ты компотику попей, – словно прочитав мои мысли, пропела Анна Ивановна. – Налить тебе компотику или чай будешь?

– Компотику.

И пока я в рассеянности вылавливала из чашки разваренный, вконец развалившийся абрикос, Анна Ивановна стала мне растолковывать:

– Ты зря расстраиваешься. Мы с тобой сейчас посуду уберем, умоемся, переоденемся в пижамку. Я тебе книжку читаю. – Она помолчала. – Ты знаешь что? Ты часами-то пока не заморачивайся – маленькая еще. Ты – по солнышку! Сейчас вот на улице темно. А как увидишь солнышко на небе – так, значит, твое «завтра» и наступило.

И я опять кивнула. Голова моя просто разрывалась от мыслей. Машинально отнесла я свою тарелку в мойку, умылась. Нянечка помогла мне переодеться в пижаму, посидела возле меня, прочитав стихи про Дядю Степу – милиционера, поставила рядышком с моей кроватью стакан с водой, а потом погасила свет и ушла куда-то в неведомую темную безразмерность спальни, где, наверное, была постелена ее постель, немножко повозилась, повздыхала и затихла.

Оглушительное «ничто» обрушилось на меня. Шторы на окнах были плотно задернуты, в непроглядной мгле я быстро перестала понимать, где пол, где потолок, в какой стороне находятся стены, окна и дверь... Я лежала в своей постельке – такая маленькая-маленькая в бесконечно бесформенном огромном темном мире, в со всех сторон наваливающейся на меня глубочайшей тишине, оставшись один на один с закольцевавшимся Временем, в котором вязко застревали мои перепуганно-перепутанные мысли.

Чтобы хотя бы перестать бояться, я тоже свернулась калачиком и натянула на голову одеяло. Непременно нужно было чем-то наполнить эту безразмерную, сводящую с ума пустоту. И я стала представлять: что сейчас делает моя Бабушка? Все еще сидит со своими «вечерниками»? Или, скользя по подмороженным улицам, тащит из своего института тяжелую сумку с книгами? А может быть, она уже приехала домой и стелет свою постель? Или сидит на кухне перед чашкой чая и думает обо мне? А может, совсем не думает? Может, она, склонившись над своим письменным столом, старательно шевеля губами, красной ручкой беспощадно отмечает ошибки в английских диктантах? А может быть, все же она так же скучает по мне, как и я по ней?

И вдруг в монотонно-однообразной, бесформенной темноте-тишине я стала различать слабый мерный звук – словно крохотный молоточек бил по маленькому упрямому гвоздику: тук, тук, тук, тук... Пустота оказалась не пустой – в ней настойчиво бился чей-то ритм.

Прислушавшись и убедившись, что мне это не кажется, на ощупь закутавшись в одеяло, я тихонько спустила ноги с кровати, нащарила пол и босиком – ибо не представляла, где сейчас могут быть мои тапочки, – пошла на это спасительное «тук-тук-тук».

Яркий, резкий, холодный лимонный свет, прочерчивавший на ковре в игровой жесткую прямую линию, буквально ошеломил и ослепил меня. Оказалось, что в группе шторы были не задернуты и Луна здесь хозяйничала вовсю, всех кого ни попадя без спросу заводя к нам в гости. Тени деревьев преспокойно улеглись дремать на ковре – видимо, на улице утомонился и ветер! – линии проводов перечеркали своими пересечениями все стены, тучки, лениво наплывая, проходили сквозь зал, не останавливаясь – этим, наверное, у нас не нравилось! Сама же Луна, как любопытная девочка, пользуясь тем, что в комнате никого нет, время от времени трогала своими острыми лучиками наши игрушки, высвечивая то куклу, то машинку, то башню из конструктора, которую вчера построил Димка... Такой привычный мне шумный и теплый мир ночью был совсем другим – равнодушным, отрешенным, недобрым, а игрушки – днем такие веселые и родные! – почему-то пугали.

Больше всего на свете сейчас, боясь потерять звук, обходя по большой дуге пугавшие меня предметы, я упрямо шла в ту сторону, откуда раздавались мерные удары маленького молоточка о маленький гвоздик: «тук-тук-тук-тук»... Звук становился все громче и отчетливее, пока я не оказалась возле висящих на стенке часов...

Время все-таки шло! Оказалось, что это я *слышу* звук его шагов, отмеривающих дорогу маленькой упрямой стрелочки. Пока я лежала в постели, она медленно-медленно, но добралась до палки с носом! Значит, не надо ни о чем думать, не надо ничего бояться. Надо просто сидеть и смотреть, как стрелочка дважды придет в одну и ту же точку! Раз Марьистепанна так сказала, раз стрелочка, пусть и страшно медленно, но все же «пошла», значит, так оно и будет!

Я стала искать, откуда же виднее всего, как она проделает весь этот путь? Но в огромной холодной зале нигде мне не находилось места – ни на стульчике, ни на ковре, ни среди машинок, ни у полок с нашими поделками, ни тем более у окна, ни за столом, ни даже на столе воспитательницы. Везде было пугающе бесприютно: застуканная враспloh Луна спряталась за тучей, гости, видимо, перепугавшись моего прихода, неслышно покинули комнату, и с улицы в холодные стекла теперь лишь тускло отсвечивали далекие уличные фонари.

И тогда я накрыла одеялом ближайший к часам маленький квадратный столик, за которым мы сегодня рисовали, залезла внутрь этого уютного крохотного мирка и решила этого самого «завтра» ждать здесь, в щелочку неотрывно наблюдая за ходом Времени.

Но стрелочка снова стала капризничать. Сколько бы я на нее ни смотрела, она опять, словно специально, остановилась и замерла, прямо приросла к этой носатой палке, и ее нарочитая медлительность совершенно не вязалась с таким частым и торопливым звуком шагов Времени.

Что-то тут явно было не так. Может быть, Время сломалось?

И тут внезапная догадка мелькнула у меня в голове!

Значит, в той заветной Бабушкиной шкатулке, которую мне строго-настрого запрещено было трогать, тоже жило Время! Ведь среди всяких совершенно завораживающих, чарующих вещей в ней на самом дне покоилась тяжелая, гладкая золотая пудреница, которая издавала такие же точно звуки удара крохотного молоточка по маленькому гвоздику, только очень тихие. Чтобы их расслышать, надо было прикладывать пудреницу к самому уху.

В те редкие вечера, когда Бабушка доставала и открывала эту шкатулку, мне никогда ничего из того, что в ней лежало, не давали подержать, а только показывали издали. Например, осторожно перебирая пальцами обрывок тончайшего затейливого черного кружева, Бабушка говорила:

– Не трогай, так смотри... А то порвешь, оно ведь очень старое... Его плела еще твоя прабабушка... умелица была редкая...

Приближая к лампе то одно, то другое тускло-желтое, чуть погнутое колечко с мутными цветными камушками, Бабушка каким-то особенным, растроганным, теплым голосом произносила:

– Не дай бог уронишь – закатится, не найдем. Вот это колечко твой прадедушка подарил твоей прабабушке перед свадьбой... А вот это – когда я родилась! А вот это привез из Парижа после Испании... Как летит Время...

Словом, много чего там было интересного: перекатывались огромные толстые перламутровые бусины, по облезлому, полинявшему бархату дна змеились прихотливо плетенные желтые цепочки с замысловатыми замочками, стопочкой солидно возвышались стертые, серые, местами почерневшие большие монеты какого-то неведомого «царского времени»... Руки сами тянулись к этим сокровищам, но Бабушка всегда легонько меня по ним хлопала:

– Не трожь! Все это такое старое, хрупкое. Ты еще маленькая, ненароком поломаешь. А я ведь помню эти колечки на маминых пальцах... И эти бусы на маминой шее... Да... все это как вчера...

Но, как я ни канючила, как ни пыталась уверить, что я уже достаточно большая, Бабушка была неумолима:

– Придет Время, и я сама отдам тебе эту шкатулку. Будешь хранить так же, как всю жизнь хранила ее я.

Слушайте, когда еще дождешься этого неизвестно как и куда идущего Времени? А мне ужасно не терпелось собрать на нитку все рассыпанные бусы именно сейчас, сейчас застегнуть все расстегнутые замочки, оттереть, чтобы заблестели все почерневшие монеты...

Но самое главное – мне хотелось, страшно хотелось иметь такую красивую и блестящую пудреницу! Тем более что она еще и петь умела: если нажать на торчащую сбоку шайбочку с петелькой, то раздавался тоненький хрустальный мелодичный голосок, гармонично балансирующий на двух-трех нотах.

– Это Павел Буре, – говорила Бабушка, аккуратно поглаживая желтую поверхность, словно стирая с нее невидимые пылинки. – Прадедушке подарил командир сразу после Испании. Они очень дружили... Как чувствовал – оставил память по себе: сам ведь погиб в конце Отечественной... Герой Советского Союза посмертно. Прадедушка считал, что только они показывают самое точное Время.

Но мне не было дела до «самого точного Времени». А вот без пудреницы – тяжелой, литой, с гладкой золотистой, отполированной поверхностью, да еще и поющей тоненьким «колокольчиковым» голоском – мне жить было просто невозможно! Бабушка вечно покупала себе какие-то черные, мрачные, с крохотным зеркальцем и, торопясь уходить из дому, мучительно шурилась в них, обмахивая нос небольшой розовой губкой, от которой сразу неопытно отставала белая шелковистая наклейка с золотистой надписью. Чем-то действительно ценным эти Бабушкины пудреницы становились лишь тогда, когда содержимое заканчивалось и их отдавали мне для игры. Вот тогда начиналось подлинное волшебство!

Моя Тетя Света как-то в спешке, собираясь на свидание, порвала и рассыпала три нитки своего разноцветного колье, составленного из крохотных пластмассовых трубочек, похожих на стеклярус, которым Бабушка иногда вышивала совершенно потрясающие цветы. Собирать эти бусы никто не стал – в нашем доме просто не нашлось терпеливых взрослых, кто мог бы выковырять все эти забившиеся между паркетинами и под плинтуса цветные черточки. Поэтому их кое-как смели веником и выбросили в мусорное ведро.

Но я все спасла! Пока Бабушка ходила в магазин, я высыпала весь мусор на газету, отобранную из него бусины – в миску. Затем аккуратно Бабушкиным пинцетом для бровей повыковыривала их из всех щелей, вымыла и получила... целый набор красок. И тогда в опустевших пудреницах тоже расцветали розы – совсем такие же, какие Бабушка вышила на своей парадной шелковой блузке. Мне не надоедало часами терпеливо выкладывать их из мельчайших пластмассовых трубочек в освободившемся от пудры металлическом кружочке или овале, точно подгоняя друг к другу так плотно, что, глядя потом на отражение получившейся картинки в пудреничном зеркале, вы ни за что бы не поняли, что роза не настоящая. Иллюзия была полной!

Преимущество этого самого «Буре», хранившегося на дне заветной шкатулки, было в том, что он сам представлял собой одно сплошное зеркало: такими гладкими были все его золотые поверхности. Не мешало мне даже то, что при открытии первой крышечки под ней обнаруживалась другая, на которой была начерчена какая-то вязь. Я, конечно, сокрушалась о том, что кто-то испортил идеально отполированную поверхность никому не нужными буквами, но в конце концов смирилась. Ибо если и эту крышечку аккуратно поддеть, то ее обратная сторона без всяких искажений показывала мне мою восторженную рожицу. Мешало только то, что в самой пудренице зачем-то были наворочены какие-то колесики с зубчиками. Но избавиться от них для меня не оказалось проблемой. Волшебный Бабушкин пинцет для бровей и маникюрные ножницы творили чудеса.

Более того! Когда я выпотрошила все ненужное, оказалось, что этот «Буре» припас для меня потрясающий сюрприз: множество красных камушков самой разной формы – от «бубликов» до «палочек»! Именно они и стали основой той самой замечательной розы, которую я тайком, когда надолго оставалась дома одна, выкладывала в освободившемся пространстве этого самого «Буре», предвкушая, каким замечательным подарком я порадою Бабушку в день ее рождения! Ведь роза благодаря этим как-то по-особому светившимся камушкам получалась совсем как живая и в отражении полированной поверхности крышки даже отбрасывала от своих лепестков фантастическое красновато-сиреневое теплое сияние.

Только теперь я поняла, почему пудреницу Бабушка называла часами! Правильно! Ведь если открыть ее с другой стороны, то там под слегка помутневшим стеклом помещался такой же круг, как на стене в группе! Только путь Времени на нем проходил не по закорючкам, а по палочкам.

Значит, внутри этого самого «Буре» тоже жило Время? Но где же оно там пряталось и, главное, куда подевалось?

Между тем следует признать очевидное: после того как в часах поселилась роза, я больше никогда не слышала стука маленького молоточка по маленькому гвоздику – этой вкрадчивой торопливо-семенящей поступи Времени. Сколько ни прикладывала я этого «Буре» к уху, сколько ни трясла, сколько ни крутила, ни нажимала шайбочку с петелькой – даже его «колокольчиковый» голосок тоже перестал звучать.

Только теперь я все окончательно поняла!

Тихонько плача и утираясь рукавом пижамки, я в который раз перебирала в памяти все, что высыпалось тогда из этого проклятого «Буре». Колесики, винтики, камушки... Но ведь никакого Времени, которое куда-нибудь могло бы идти или уж тем более лететь, там не было!

Однако факт оставался фактом: Время теперь никуда не шло, а маленькими шажками семенило на месте. Вот уже и Луна перестала заглядывать в наше окно, и один из фонарей, мигнув, погас, а проклятая стрелочка на светящемся едким зеленым светом циферблате по-прежнему упорно указывала на палку с носом и совершенно не собиралась сдвигаться. Шансы на то, что наступит «завтра», в которое придет Бабушка, стремительно падали, поскольку она-то теперь точно не узнает, когда и через сколько маленькая стрелочка доползет (если вообще доползет!) до «кочерги». От напряженного ожидания мне словно песком засыпало глаза. Я терла их изо всех сил кулачками, но сколько бы раз, проморгавшись, ни смотрела на стену – стрелочка как будто навсегда застыла на палке с носом!

«Наверное, это нас с Бабушкой Бог наказывает! – подумала я. – Он же за нами отовсюду наблюдает! Не взяли мы тогда у тетенок те книжечки – вот оно когда сказалось!»

О самом Боге, правда, я мало что знала, кроме того, что он все-все на земле создал, всегда все видит и всех подряд за что-то обязательно наказывает. Но теперь, оглядываясь вокруг себя в темной игровой комнате, я отовсюду ощущала его пристальный строгий взгляд. Значит, все же не соврали нам с Бабушкой наши две «пророчицы», с которыми мы столкнулись однажды зимой!

Ничто не предвещало в тот день глобальных концептуально-философских бесед и споров о сущности бытия – мы в выходной просто шли в лес погулять. Вернее, правильнее было бы сказать, что Бабушка шла, а я, барственно развалившись из-за плотной негнушейся шубы, полулежа ехала в санках. Целью нашего похода была новая горка, заботливо выстроенная кем-то специально «для маленьких». Уж не знаю, зачем нас отделили от «старших»: то ли для того, чтобы не путались малолетки под ногами у отчаянных подростков, которые на чем только ни скользили с ее крутого склона, то ли потому, что еще чей-то «малец» так же неудачно закончил свой спуск носом в сугроб, как это сделала я в прошлую нашу прогулку. Настроение у нас с Бабушкой было прекрасное, день был отчаянно-солнечный, и даже обычно неприглядный в зимнюю пору город после свежeproшедшего снегопада казался нарядным и праздничным.

Словом, только мы с улицы свернули к лесу, как нам навстречу попались две солидные пожилые женщины. Они неторопливо шли, о чем-то разговаривая, но, заметив нас, замолчали, цепко прошарив глазами по Бабушкиной фигуре. Посторонившись и пропустив Бабушку между собой, они обе одновременно уставились сверху вниз на проезжающую в санках меня, и одна из них вдруг, заулыбавшись, заговорила приторным голосом:

– Ай, какая девочка хорошая! Глазки какие умненькие! А девочка уже умеет читать?

– Нет, – коротко на ходу бросила Бабушка.

– А, ну тогда мы ей подарим книжечку с картинками. Хочешь книжечку?

Вторая женщина между тем достала из сумки что-то размером с альбом для рисования и всунула мне в руки, а точнее сказать, в варежки:

– Вот тебе, дитяtko, Слово Христово!

Я едва успела разглядеть, что на обложке нарисован мужчина в белом платье с длинными волосами в окружении множества счастливо смеющихся детей, как Бабушка внезапно круто остановилась, да так неожиданно, что я чуть не вылетела из санок носом вперед, развернулась и, стремительно выхватив у меня эту книжку, протянула ее назад женщинам:

– Спасибо, не надо!

– Ну почему же? Мы же денег у вас за это не просим. Мы от всей души! Вот и вам мы тоже дадим Святое Писание, чтоб от Божьего Слова сердце ваше просветлело, чтобы Дух Истины с Христом сошел к вам. – Вторая женщина тоже начала угодливо улыбаться и, покопавшись в своей объемной сумке, достала и протянула Бабушке еще какую-то брошюру.

– Я же сказала, не нужно. – Бабушка почему-то начала сердиться.

– Вы что же, в Бога не веруете? – строго спросила первая.

– Верую. Но без ваших подсказок! – Всегда такая вежливая, тут Бабушка почему-то бесцеремонно повернулась к женщинам спиной и таким сильным рывком потянула санки, что я завалилась на спинку.

– Не истинной верой веруете! – сообщила первая женщина, попытавшись пристроиться шаг в шаг с Бабушкой. Но вскоре она не выдержала темпа и снова оказалась на уровне моих санок. И по мере увеличивающегося между нами расстояния стал возрастать ее эмоциональный накал: – Не истинной! Греховна вера ваша, еретическая! Бог все видит! Все ему ведомо! Читает он в душах ваших, как в открытой книге! Вы Слово Божие отвергаете, потому в аду гореть будете!

Бабушка резко ускорила, отчего я снова клюнула носом свои валенки. Санки вихрем пронеслись мимо преследовательницы, но и та, запыхиваясь, багровея, перейдя на мелкую рысь, что называется, надела ходу:

– Неужто ада твоя душа черная не боится? Сама в грехе и ребенка с собой увлекла! Черти сковороду для тебя уже припасли... Огонь развели!

Бабушка, не оборачиваясь, почти перешла на бег, однако упорная женщина не собиралась сдаваться. Непомерным усилием опять почти догнав мои санки, она внезапно нагнулась и ухватила за их спинку. Бабушка отчаянно поскользнулась и встала, а я снова завалилась на спину – проклятая шуба не давала мне шансов на какое-либо самостоятельное движение! – и поэтому багровое, потное, сердитое, с выбившимися из-под меховой шапочки волосами и бешено сверкающими глазами лицо женщины оказалось прямо надо мной.

– Скажи ей, ребенок, свое слово! Скажи, что ты хочешь жить в Боге! Образуь ее, не то увлечет она тебя за собой в геенну огненную. Не то Бог накажет тебя за неразумение, проклянет твою только что рожденную душу!

Я буквально шархнула от ее перевернутого и оттого еще более страшного лица. В ужасе съехав внутрь шубы так, чтобы шарф мешал мне видеть ее безумные глаза, я вжалась в санки, а женщина с размаху шлепнула обе книжки мне на живот. В тот же момент разъяренная

бабушка, буквально налетев на женщину, решительно ее оттолкнула, бесцеремонно смахнув «Слово Божие» в сугроб.

– Если вы не перестанете нас преследовать, я позову милицию! – буквально рывкнула она.

– Никакая милиция не поможет тебе обрести место на небе, коль ты Христа не знаешь! – истошно заорала женщина, в то время как вторая полезла в снег доставать глубоко утонувшее «Святое Писание». – Только мы! Только мы, сводящие вас, неразумных, с пути греха, с пути погибели!

Бабушка, не слушая, нагнулась, сильно встряхнула меня, рывком взгромоздив себе на руки, и тяжело зашагала к лесу. Пустые санки на подтянутой на локоть веревке колотили ее по пяткам, но она словно не замечала этого, а упорно, шаг за шагом, мерила лесную тропинку.

– Только мы! Только наши пастыри, Христом просветленные, способны вывести вас, неразумных, к свету! Одумайся, пока не поздно! – еще кричала нам вслед первая женщина. – Приди к нам, и мы покажем тебе верный путь!

Но Бабушка, судя по всему, и без них знала дорогу, так уверенно несла она меня вперед и вперед в глубь леса! Стуча подбородком о ее плечо, сквозь налезший мне на глаза шарф, почти плотно сомкнувшийся со съехавшей шапкой, я смутно видела, как обе отставшие женщины возмущенно клеочут между собой, тщательно стряхивая снежную пыль с любовно извлеченных из сугроба «божественных откровений».

Дойдя до новой горки, Бабушка тяжело опустила меня на землю и буквально повалилась на заметенную снегом скамейку.

– Подожди, Машенька, дай отдышусь. – Она полезла в карман за носовым платком, но вместо него вытащила какую-то бумажку, пробежала глазами текст. – Вот проныра! В карман она мне свои воззвания засунула. Делать мне нечего по их собраниям бегать! Господи, она у меня кошелек не стащила ли?

Кошелек, как и носовой платок, оказался на месте. Отерев лицо и отдышавшись, Бабушка тщательно порвала бумажку – «не хватало еще, чтоб кому-нибудь мозги свернули!» – и в сердцах швырнула обрывки на девственно-свежую, блестящую на солнце мириадами разноцветных огоньков снежную шапку урны. Затем она перевязала мне шарф, высморкала нос и весело спросила:

– Ну что, пойдем кататься?

Но настроение все же было безнадежно испорчено. К тому же на горке «для маленьких» было так много народу, что буквально не протолкнуться. Я попробовала пристроить свои санки, но сесть в них так и не успела: меня толкнул проносящийся мимо чей-то пламенеющий щеками мальчик. Падая, я наступила на ногу какой-то девочке, которая тут же дала громкого ревака, и на горку с грозным бурчанием вихрем взлетела ее сердитая мама. Словом, сегодня тут было совершенно нечего делать.

И мы побрели по тропинке дальше в лес. Ненужные санки уныло потащились за нами.

По правде сказать, происшествие с этими странными тетеньками, как и дядя в белом платье в окружении детей на картинке, почему-то не шли у меня из головы.

– Бабуля, а Бог – он знаменитый?

Бабушка улыбнулась:

– Да, очень...

– Знаменитей, чем твой любимый Листьев?

– Больше!

– Чем Мамин любимый Тальков?

– Больше!

– Чем Пугачева? – изумилась я.

Бабушка усмехнулась:

– Намного!

– А его по телевизору когда-нибудь показывали?

– Нет. Его никто никогда не видел.

Этот ответ поставил меня в тупик:

– Бабушка, так откуда же ты знаешь, что он есть?

Тут вышла какая-то заминка – Бабушка не сразу нашлась что ответить:

– Ты еще маленькая и не поймешь. Так что придется тебе пока мне просто поверить.

Ох, эти вечные уловки взрослых! Когда им надо что-то от тебя скрыть, они всегда пускают в ход обидные намеки на то, что ты еще ничего не соображаешь!

– Нет, бабуль, а все же... Бог – он кто?

– Бог, Машенька, это – не кто-то... Бог – это все вот это! – И Бабушка широко-широко развела руками, как бы охватывая весь лес, все небо, меня и себя...

– Но вот это все, бабуля, я вижу! И еще: если Бог – вот это все, то тогда как он может разговаривать?

– В смысле, разговаривать? – не поняла Бабушка, подбирая с тропинки кем-то обломанную еловую лапу.

– Ну, те тети сказали, что они нам принесли «Слово Божие»...

– Глупости какие! – Бабушка снова рассердилась: – Бог может разговаривать, но уж точно не словами! И уж тем более не словами этих клуш сумасшедших!

Мы помолчали и еще немножко прошли по тропинке.

– Бабушка, а если Бог – вот это вот все, то как же он все видит? Где же у него тогда глаза?

– А вот они!

И Бабушка снова очертила рукой огромный круг, показывая на небо, деревья и широко-широкую, покрытую свежим белым пуховым покрывалом поляну.

Мы давно уже ушли от детской площадки, над которой плотным смогом висел шум неразлично сплетенных звуков: детского визга и смеха, родительских выкликов и вскриков, окликаний и нареканий. В глубине леса было почти совсем тихо. Даже если белка ловко перепархивала с ветки на ветку или ворона, лениво взмахнув крыльями, тяжело снималась в полет, то снег соскальзывал с опущенных еловых лап плавно и беззвучно. Миллионами цветных брызг переливались снежинки под холодным зимним солнцем, и от нестерпимого блеска синего-синего высокого морозного неба приходилось жмуриться...

– Вот они, его глаза... Везде. И все они на тебя смотрят. Так же, как и ты на них.

По правде сказать, мне от этого масштабного «надзора» стало несколько неудобно, тем более что тропинка привела нас с яркого солнца в тень, под плотную крышу сплетенных веток однообразно ровных высоченных сосен, сурово и тускло отсвечивающих мощными серо-коричневыми стволами. Как же это тогда жить, если *все* вокруг видят каждый твой шаг?

– А зачем, бабуль, Богу за нами наблюдать?

– Как зачем? Он же нас создал, вот и смотрит, как мы... – Бабушка чуть запнулась и, улыбнувшись, продолжила: – Функционируем. Следит за тем, чтобы мы не сломались и не испортились.

Мы помолчали, теснясь гуськом на узенькой снежной дорожке между большими сугробами.

– Бабуль! А когда Бог меня сделал, он тебе инструкцию по тому, как со мной обращаться, приложил?

– В каком смысле? – не поняла Бабушка.

– Ну, помнишь, когда нам с тобой почти новую стиральную машину Тетя Валя отдала, у нее не было инструкции, ты не знала, как ею пользоваться, и она сломалась. А когда ты утюг купила, у него была. Ты ее долго-долго читала. И поэтому утюг до сих пор работает.

– Нет, Машенька, инструкции точно не было, – расхохоталась Бабушка.

Тропинка кончилась, выведя нас на небольшую полянку.

– А вдруг, Бабуль, я, как та машинка, тоже могу сломаться из-за неправильного использования?

– Но я же не сломалась? И Мама твоя... И Света... А, ведь нам, Машенька, никому руководство по применению Бог не выдал. – Бабушка опять на минуту впала в задумчивость. – Мы его себе сами по ходу жизни пишем! Как умеем... А Бог нас подправляет.

– Тогда я себе напишу, что меня надо любить, вкусно кормить и хвалить!

– И никогда не ругать?

– Никогда! – уверенно сказала я.

– Ну, с такой инструкцией ты точно испортишься! – озорно посмотрев, сказала Бабушка, слепила снежок и запустила им в меня.

Я тоже нагнулась, неловко скатала в рукавчиках снежный шарик и запустила его в Бабушку. Не долетев до цели, он распался в воздухе на несколько частей – проклятая неповоротливая шуба мешала мне до конца плотно смыкать ладошки и хорошенько скреплять пухнастые снежинки в твердый комочек.

– Ничего, сейчас другой слепим! – ободрила меня Бабушка. – На вот, лови еще!

Ко мне снова летел маленький белый мячик, но я опять неловко взмахнула рукавичками, и он, просвистев мимо моих рук, протаранил в мягкой ровной снежной поверхности глубокую дыру.

Тогда я нагнулась и, просто загребая снег варежками, взметнула на Бабушку целую тучу белых кристалликов. Смеясь, Бабушка отмахивалась от поднятой мной снежной бури подобранный на тропинке еловой лапой.

– Стой, стой, стой! – кричала она. – Рукавички намочишь, а нам еще домой идти. Руки отморозишь.

Она подошла, стащила с меня варежки и стала греть мои ладошки в своих руках.

– Бабушка... А как же тогда Бог всех наказывает? Ведь, чтобы что-то делать, у него должны быть руки?

– А у него они есть! Вот твои – это руки Бога. И мои – тоже. И Мамины. И Светины. Мы все и есть его руки...

– Так мы что – тоже боги? – изумилась я.

– В какой-то мере, – засмеялась Бабушка. – Давай-ка поворачивать к выходу – нам с тобой еще обед греть.

Как же я могла забыть об этом? Разглядывая теперь в неверном свете снова вышедшей Луны свои ладошки так, словно видела их впервые, я окончательно осознала, что Время сломалось и что теперь Оно так и будет бежать на месте. Стрелочка никогда больше не сдвинется с палки с носом, и что это самое «завтра» никогда не придет: те тетеньки точно прокляли нас за то, что мы с Бабушкой не взяли у них книжечки.

Что же мне оставалось теперь?

На все мое детство без Бабушки застрять в этом детском саду? Я высунула голову из своего убежища – огромная, холодная, темная зала, где-то в туалете гулко подтекающая вода, едва угадываемые проемы высоких дверей... Нет, в этом мире мне точно не было места.

И тогда я решила, что дни мои будут протекать именно здесь, под этим столом, накрытым одеялом с утятами, в этом моем маленьком уютном мирке. Я легла на пол, снова свернулась калачиком, подтянув коленки к самому лбу. Да, только здесь теперь я чувствую себя спокойно, только здесь – в единственном месте, кроме Бабушкиных рук! – я могу спрятаться от назойливого звука шагов топчущегося на месте Времени.

Но внезапно к однообразному постукиванию часов примешались еще какие-то шаркающие звуки.

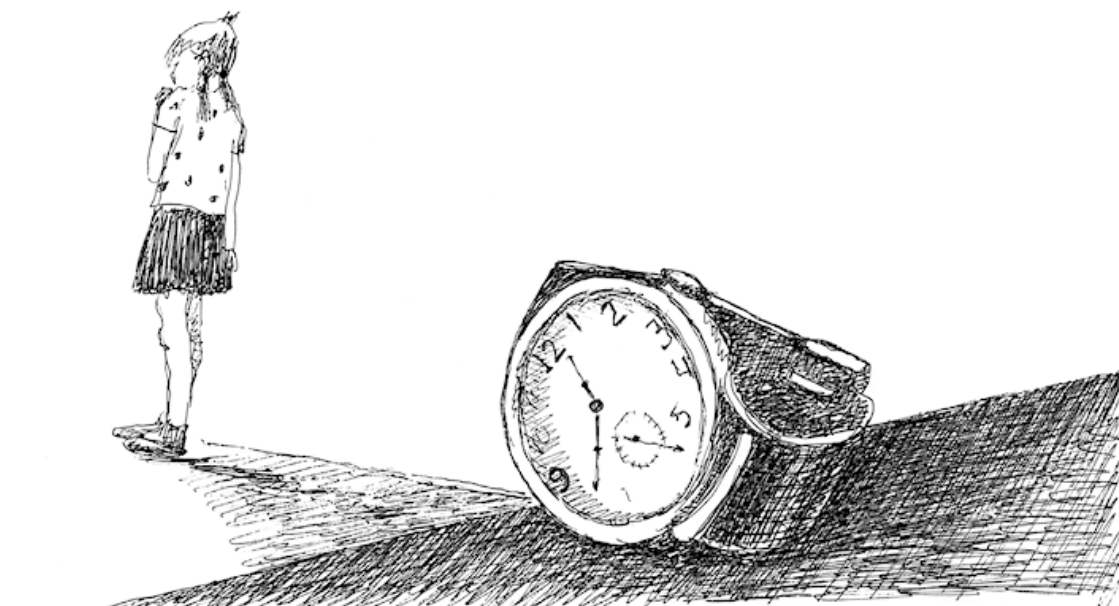
– Маша! Маша! Ты куда делась?

Оказалось, что это шаги потерявшей меня нянечки.

– Маша! Господи, куда же ты запропостилась? Да еще без тапочек...
Я замерла, затаилась, сжалась в комочек.
– Маша!

Раздался звук выключателя, и назойливое, нарастающее жужжание ламп дневного света начисто смыло из пространства звук застрявшего Времени. Одеяло поднялось, и под стол заглянуло улыбающееся лицо Анны Ивановны:

– Ты чегой-то здесь? Тебе ночью страшно стало? Так меня бы разбудила? – И она поставила передо мной мои тапочки.

Но я не намерена была с ней разговаривать, а просто потянула к себе приподнятый угол.

– Машенька, не дури! Нам надо с тобой скорее чистить зубы, одеться – сейчас же детишки придут! Вон, Марьстепанна уже поднимается.

И вправду, по ступенькам снова дробно цокали каблучки, и вскоре веселый голос воспитательницы провозгласил:

– Я уже тут! Нет еще никого? Слава богу. Не опоздала. Так неслась...

– Да ничего, ничего... опоздали бы, я бы приняла, – поднимаясь с полу, сказала нянечка. – С Машей мне что делать?

– А что с ней?

– Вот, полюбуйтесь, не вылезает. Всю ночь, видимо, тут и просидела.

Под столиком нарисовалось теперь улыбающееся лицо Марьстепанны:

– Ты чего тут? Выходи! Сейчас дети придут! Завтракать надо будет.

Но я снова молча потянула на себя угол одеяла.

– Ой, ну и бог с ней! – весело сказала воспитательница. – Видимо, она опять что-то там себе напридумывала. Вы что, не знаете, какая она фантазерка? Сейчас придут все, начнут во что-нибудь играть, и она сама вылезет.

Первым из всех в группу вихрем ворвался Руслан.

– Марьстепанна, а мне папа вишневую «девятку» купил! Смотрите, смотрите! – с ходу заорал он и плюхнул свой, судя по грохоту, немаленький автомобиль прямо воспитательнице на стол. – Смотрите, как она ездит!

– Кто ж такую ценность в детский сад приносит? – По голосу Марьстепанны было понятно, что она в очень хорошем настроении. – А ты подумал, как ее забирать будешь? Сейчас

же кто-нибудь из мальчишек облюбует твое новоприобретение, и застрянет папина покупка тут на веки вечные!

– Ну и что? – вопил Руслан. Он вообще не умел просто разговаривать, а всегда почему-то громко кричал. – А мне папа тогда еще одну купит! Др-др-р-р-р-р-р-р-р-р!!!

Судя по издаваемым Русланом звукам, машина со стола Марьстепанны явно куда-то поехала, долго плутала по изгибам каких-то дорог, прокладываемых Руслановой фантазией по ковру, и, наконец, со всего маха въехала ко мне под одеяло, безжалостно протаранив мои тапочки. Вслед за ней под столом появилась довольная, торжествующая Русланова физиономия, и его трубный глас провозгласил:

– Pit stop!!!!

И тут он заметил меня:

– О! Машка! Привет! А чего ты тут делаешь?

– Виделись! – мрачно отпарировала я и потянула одеяло обратно.

В этот момент в группу ввалились еще дети, пространство стало заполняться визгом и грохотом, топотом и скрежетом. Автомобиль выехал обратно, и, видимо, его появление после «заправки» произвело настоящий фурор. Достоинства и недостатки еще долго и горячо обсуждались, затем разноголосый детский хор нестройно, вразнобой заорал «Твоя вишневая «девятка» меня совсем с ума свела...», да так рьяно, что Марьстепанне пришлось очень сильно кричать, чтобы прекратить эту вакханалию. Словом, у всех сегодня в этом проклятом бесконечном «сегодня», было прекрасное настроение! Вне моего маленького мира кипели и бушевали страсти.

Я осторожно выглянула и...

Странно! Маленькая стрелочка сейчас указывала на неваляшку, которая шла сразу за «кочергой».

Но как же так? Я же только *совсем недавно* своими глазами видела, что она буквально примерзла к палке с носом! Значит, пока я раздумывала над «божьей карой», Время перепрыгнуло часть своего пути? Зачем же я не смотрела на стрелочку во все глаза? Ведь теперь я не знаю, сколько раз сломавшееся Время совершило эти странные скачки? И останавливалось ли Оно на «кочерге» или сразу махнуло к неваляшке? И можно ли считать, что первый свой круг Время уже «пролетело»?

А если хитрющая стрелочка, обманув меня своей неподвижностью, уже два, три или пять раз перескакивала на «кочергу» или через нее? Не стало ли от этого мое «завтра» уже «вчера»? Впрочем, нет, так быть не могло – я же не спала... Значит, я по-прежнему в «сегодня»? Но тогда получается, что «сегодня» для меня теперь никогда не кончится?

Одеяло вновь приподнялось, и ко мне всплыла Катина рожица:

– Машка! Привет! Как у тебя тут уютно! Можно к тебе?

– Во-первых, ты не поместишься, – мрачно сказала я. – А во-вторых, я с тобой уже здоровалась.

– Я? Я тебя сегодня еще не видела, – удивилась Катя.

– Нет, видела!

– Нет, не видела!

– Нет, видела!

– Нет, не видела! Я тебя видела вчера!

– Нет, ты меня видела сегодня!

– Нет, вчера!

– Нет, сегодня!

– Ну как же сегодня – я же только пришла! Я же дома ночью спала! – кричала Катя.

– А я не спала!

Где ей было меня понять? Проведя ночь в тяжелых раздумьях, я точно ни разу не сомкнула глаз, и поэтому «сегодня» продолжалось, поскольку мое «завтра» так и не наступило.

Обидевшаяся и возмущенная Катя на четвереньках выбралась из моего убежища и, споткнувшись, побежала к воспитательнице:

– Марьстепанна, а Маша не хочет со мной здороваться!

– Оставь ее ради бога, – все больше раздражаясь, сказала Марьстепанна. – Она сегодня не в настроении и играет в какую-то свою игру. Иди руки мой, сейчас будет завтрак.

Мир вокруг меня бурлил звуками, они буквально разрывали мне голову, поэтому я плотнее вдвинула ее в коленки, тщательно подоткнула одеяло со всех сторон и закрыла глаза. Однако внезапно «утята» взвились над моей головой, и все еще улыбающееся лицо Анны Ивановны заглянуло ко мне под стол:

– Машуня! Иди пижамку-то переодень, личико умой, а то я уже на столы накрываю.

И она стала пододвигать к моему столику стульчики, ставить сверху тарелки и чашки, брякнули раскладываемые ложки, кто-то из детей, стремглав метнувшись к своему месту, больно наступил мне на руку... Словом, хочешь не хочешь, а выбираться мне из моего убежища пришлось.

Невзирая на то что теперь в наших огромных комнатах было очень много народу, мне все же было зябко. Ежась, я нехотя потащилась к своему шкафчику переодеваться, по дороге подойдя к окну. В конце концов, хотя бы Солнышко должно было подсказать мне, где я, обманутая коварством стрелочки, заплутала на пути Времени?

Но за окнами брезжил серенький-серенький день, все небо было забито клочковатой, грязной, плотно утрамбованной ватой – такой, какая была в старом диване, который разодрал играючи наш неугомонный Бим. Сеял маленький дождик, и ни о каком солнышке не могло быть и речи... И я поняла, что окончательно потерялась в этом самом, как и Бог, никем не видимом, но все же существующем, взбесившемся, ополоумевшем Времени.

Между тем за завтраком буйное веселье моих одноклассников не только не прекращалось, но и, плавно набирая обороты, принимало какой-то ожесточенный характер.

– Дети, – строгим голосом сказала Марьстепанна, – внимание! Сегодня помимо нашего обычного завтрака вы будете есть йогурт. Все знают, что это такое?

В мощном согласном «да» потонуло чье-то немногочисленное робкое «нет».

– Йогурт! «Активиа» от Данон! Уникальные бактерии! Действует изнутри – результат налицо! Ур-рра!! – орали одни дети, занимая свои места за накрытыми столами.

– Нет! Это «Мертингер»! Фрукты гут! Самое хорошее из Баварии! – надсаживались другие.

– Тихо, тихо! Молочный суп еще горячий! Вы все попереворачиваете! – пыталась перекричать этот непонятно чем вызванный ажиотаж нянечка Анна Ивановна. – Что ж вы сегодня такие бешеные?

– Внимание! Стоп! Прежде чем начать есть, взяли ложки, открыли йогурт и съели его натошак. Я проверю! – провозгласила Марьстепанна и пошла между нашими столами.

– Я не люблю йогурт, – скривилась Леночка. – Я его дома никогда не ем.

– А я очень люблю, – пробурчал Руслан, у которого на мордахе уже выросли гигантские белые усы. – Давай я тебе отдам свою пустую коробочку, а ты мне свою полную. А Марьстепанна не заметит.

Махинация была провернута мгновенно, и, когда воспитательница подошла к нашему столику, Леночка задумчиво соскребала со стенок остатки белой кашицы, а Руслан за обе щеки уписывал вторую порцию.

– Молодцы, – обрадовалась Марьстепанна. – А теперь все так же дружно едим молочный суп.

Тут тех, кто серо-белой бурде с раскисшими в ней червяками вермишели был совершенно не рад, оказалось гораздо больше.

– А вот это я точно есть не буду, – сказал Руслан, брезгливо отодвигая от себя тарелку.

– Куда ты денешься! – подтрунила над ним Леночка. – Не будешь есть – Марьстепанна тебя, как маленького, покормит.

– А спорим, не покормит? – Глаза Руслана налились гневом.

– А спорим – покормит?

– А спорим – нет?

– А спорим – да?

– На что спорим?

– На качели! – азартно выкрикнула Леночка. – Если я выиграю, то буду качаться, а ты будешь меня толкать.

– А если я выиграю... а если я выиграю... а если я выиграю... – пыхтел, задыхаясь от ярости, Руслан, – то... то... то...

– Ты ее поцелуешь, – деловито подсказал сидевший за соседним столом Димка.

– Тили-тили тесто, жених и невеста! – мерзким тоненьким голоском затянула Катя.

– Вот еще! – фыркнула Леночка. – Я не буду спорить тогда!

– Будешь-будешь, – громогласно утвердил Руслан.

– Что вы там разорались?

Марьстепанна, которая за своим столом что-то писала, подняла голову.

– Это Руслан не хочет молочный суп есть, – немедленно сообщил Димка.

– Ну, ты и стукач, – громким шепотом недобро восхитился Руслан. – С меня тебе причитается...

– Руслан, это что еще за жаргон? Где ты такие слова берешь? Ну-ка ешь, не выдумывай, не то приду кормить! – озабоченно глядя в исписанный листок, сообщила Марьстепанна.

– А я не могу это есть! – Руслан вальяжно отвалился на спинку стульчика и подмигнул сидящим с ним за одним столом детям: – У меня таракан в тарелке плавает.

– Уи-и-и-и-и-и-и! – Резкий визг Леночки так неожиданно ударил по ушам, что все повывскакивали со своих мест и плотной стеной облепили столик, за которым сидел Руслан, да так утрамбовались, что с глазами, полными слез, зажимающая себе рот Леночка никак не могла прорваться сквозь, чтобы добежать до туалета: ее тошнило.

– Что у тебя там плавает? – встревоженно поднялась из-за своего стола Марьстепанна. – Не выдумывай, этого не может быть, в садике неделю назад прошла полная санобработка!

Тут подбежала встревоженная Анна Ивановна, вдвоем с воспитательницей они с трудом пробились сквозь плотное детское оцепление и своими собственными глазами убедились, что в тарелке Руслана на серо-белой поверхности супа действительно мирно дрейфовал прекрасный крупный экземпляр классического кухонного прусака.

– Как же это? Как же это? – чуть не заплакала Анна Ивановна. – Я же все проверяю. У меня же всегда все чисто. Что же он будет есть, у меня же все точно по порциям кухни выдала.

– Спокойно. С тараканом мы потом разберемся. Суп вылить, – распорядилась Марьстепанна, – а ему отдайте мой. Все. Сели за свои столы, доедаем. Нам скоро на прогулку.

Анна Ивановна унесла тарелку, все нехотя разбрелись по своим местам, и в едва установившейся тишине раздался тихий ехидный голос Димки:

– Не выгорело, да? Качели толкать будешь! Тили-тили тесто!..

Всеобщий детский хохот сотряс стены группы.

– Ну, ты попал! – вспыхнувший Руслан показал Димке кулак.

Я меланхолично болтала ложкой в молочном супе с вермишелью, не принимая участия во всеобщем веселье. Между тем сидевший за соседним столом Руслан, царственно оглянувшись и заметив нюхающего исходивший из тарелки пар Павлика, вдруг резко перегнулся, дотя-

нулся до предназначавшегося Павлику кубика масла и бултыхнул его в горячую дымящуюся жидкость Павликова супа. Затем, деловито засопев, он стал крошить туда же его хлеб; туда же, разорванный руками Руслана на мелкие кусочки, отправился и кусок сыра. Пока все мы, сидевшие с Павликом за одним столом, таращили глаза на процесс приготовления такого необычного блюда, Руслан выхватил у Павлика ложку, поболтал ею в чашке, размешивая сахар, и... вылил чай туда же, в тарелку с супом, отчего жидкость подступила к самым краям, грозя перелиться от малейшего подрагивания стола. Мы замерли, боясь пошевелиться, и только Катя тихо и изумленно спросила:

– Зачем ты так сделал?

– Потому что в желудке все смешается. Так мой папа говорит! – торжествующе провозгласил Руслан.

Павлик с укоризной посмотрел на него, но... ничего не сказал, хотя его глаза подернулись дымкой подступающей слезы. Он покорно попробовал занырнуть ложкой в этот молочно-чайный залив, и, естественно, у него это не получилось, ибо, согласно известному закону, ложка переполнила чашу. В том числе и терпение воспитательницы. Как только освобожденные от тарелочного плена счастливые вермишелины хлынули на стол, с него червяками стремительно распозаясь на штаны и юбки сидящих, а оттуда – на пол, неумолимо подбираясь к тапочкам Надюшки, радостно барабанящей ложкой по своему столику, разъяренная Марьстепанна за шиворот выволокла Павлика из-за стола и отправила его в угол до самой прогулки.

– Да... – философски-горестно сказал ему вслед Руслан. – Бутерброд всегда падает маслом вниз.

– Не может быть, – произнес потрясенный этим откровением сидевший за соседним столом Сережка. Он некоторое время беззвучно шевелил губами, видимо, что-то прикидывая и подсчитывая, а затем решительно цапнул с тарелки свой кусок хлеба, ложкой быстро размазал по нему кубик масла и подкинул получившееся в воздух. С мокрым шлепком масло припечталось к полу.

– Как говорит мой дедушка, – скептически произнесла Катя, – один раз проведенный эксперимент еще не подтверждает теорию.

Но тут раздался еще один шлепок: бутерброд Руслана тоже успешно кормил маслом пол.

– Работает! – заорал счастливый Сережка.

– Что у тебя там работает? – снова подняла голову от своего стола Марьстепанна. И в этот момент один за другим раздались еще три или четыре шлепка и дружный детский хор проорал:

– Работает!!!

Вокруг растерявшейся было на минуту Марьстепанны взметнулся в воздух целый салют из кусков хлеба, характерным звуком отметивших свое – неумолимо маслом вниз! – падение на пол.

– Вы что творите? Вы что хлебом кидаетесь! Господи! – буквально заорала Марьстепанна. – Откуда вы все взяли на мою голову!

– Меня аист принес, – авторитетно проинформировал Руслан.

– Настоящий аист?! – восхитилась Лена. – Откуда ты знаешь?

– Папа так сказал. У нас на даче целая семья аистов живет. У них гнездо на большом колесе, которое специально папа на шест прикреплял. Вот они-то однажды меня к нам домой на балкон и уронили.

– А меня в капусте нашли! – крикнул Димка.

– Оно и видно! – презрительно скривился Руслан.

– И меня в капусте нашли! – из угла крикнул Павлик.

– И меня! И меня! – послышалось со всех сторон.

– Тише! – попыталась было восстановить порядок Марьстепанна. Но дети уже, что называется, закусили удила.

– А меня тоже аист! – кричал Сережка.

– И меня аист!

– И меня!

– Сто-оооп! – во всю мощь своих легких рявкнула Марьстепанна. – Мы с вашей генеалогией потом разбираться будем! Бегом поднять весь хлеб, марш в туалет за тряпками пол мыть!

Потом все дружно драили пол, перебрасываясь тряпками, а Руслан, прижав к пузу свою вишневую «девятку», лихо скакал верхом на швабре, вызывая коллективную зависть и бурный Леночкин восторг.

Я не принимала ни в чем этом участия, мне не было дела до всеобщего веселья. Я изо всех сил старалась уследить за издевающейся надо мной проклятой маленькой стрелочкой. Мне категорически не хотелось оставаться в этом бесконечном «сегодня» без всяких надежд на «завтра».

Но когда, покончив, наконец с невкусным завтраком, я подняла глаза на стену, то оказалось, что меня опять обманули! Маленькая стрелочка, словно потешаясь надо мной, переползла с неваляшки на... половинку бантика. Когда??? Ведь мне кажется, я не отводила глаз от часов!

– Дети! Одеваться! Гулять пора!

Ошалевшая от бурных утренних событий толпа повалила к своим шкафчикам.

И только я зашнуровала ботинки и протянула руку за своей курткой, как из угла у окна до меня донесся чей-то возбужденный, захлебывающийся громкий шепот:

– И че? И че?

– А ниче! – задушевно-спокойно ответил ему другой голос. – Я ж видел, ты же таракана из спичечного коробка достал и в тарелку кинул.

– И че?

– А ниче! Это нечестно! Я расскажу...

– А ты докажи...

– И докажу...

– Докажи!

– Докажу!

Повисла короткая пауза, что-то зашуршало, и затем так же спокойно-издевательски прозвучало:

– Вон он, твой коробок... У меня он теперь, видал?

Какое-то время было слышно яростное сопение и кряхтение – видимо, шла короткая яростная схватка, – затем я услышала напряженно-задушенный шепот:

– Ты где взял?

– Где взял, там уже нету, – ехидно хихикая, прошептали в ответ.

– Да ты... Да ты... Да я тебя... я тебя...

Я выглянула из-за дверки своего шкафчика и увидела красного как рак Руслана и довольного, улыбающегося Димку.

– Чего тебе? – спросил меня Димка.

– Ничего, – сказала я и, дотянув на куртке молнию до подбородка, пошла к дверям.

Между тем препирательство за моей спиной набирало обороты:

– Давай свою «девятку»... тогда не расскажу...

Раздался грохот – что-то тяжело упало, а затем Руслан кинулся на Димку с кулаками. Но тут грозный голос Марьстепанны пресек скоропалительную расправу:

– Это что такое? Руслан, ты почему не одет?

– Ну, жди! – грозно пообещал Руслан. – Приду к тебе!

И он пошел натягивать куртку. А улыбающийся Димка, прижимая к себе вишневую «девятку», спокойно подхватил за руку Катю и стал в колонну, строящуюся для выхода на площадку.

– Руслан! Руслан! – Леночка, уже одетая, бегала, заглядывая за каждый шкафчик. – Руслан! Ты где? Ты же проспорил! Идем на качели, ты меня катать будешь.

Найдя, она по-хозяйски схватила его за руку и поволокла к выходу становиться в пару.

– Тили-тили тесто, – насмешливо протянул им вслед писклявым голосочком Димка, прижимая к себе вишневую «девятку».

Руслан показал ему увесистый кулак.

Меня подхватила за руку Надюша, и под руководством Марьстепанны вся наша группа стала спускаться по ступенькам.

– А тебя правда, что ли, аист принес? – услышала я за своей спиной Леночкин голос.

– Так папа сказал.

– Тогда нам с тобой, наверное, нельзя дружить, – печально сказала Леночка.

– Это почему?

– Ну, тебя же аист принес... А мне бабушка сказала, что я случайно получилась.

– Как это – случайно? – Руслан аж остановился, и сзади идущие буквально ткнулись в его спину.

– Что там такое? – закричала Марьстепанна. – Почему тормозим?

Кто-то довольно бесцеремонно придал сзади Руслану довольно весомое ускорение, да так, что Леночка и Руслан, едва не упав, в один прыжок снова догнали нашу с Надюшей пару. После грозного обмена любезностями с этим самым «кем-то» разговор снова вернулся к обсуждаемой теме.

– А-а-а! Я понял! – громогласно заявил Руслан после некоторой паузы. – Тебя просто аист по неправильному адресу принес! Не на тот балкон положил! Только... как же тебя родители потом нашли?

– Не знаю, – печально произнесла Леночка и зашмыгала носом.

– Ну, ты... это... не плачь, что ли... Ну, я не знаю...

Надюша, которая тоже, видимо, прислушивалась к этому диалогу, дернула меня за руку так, что мое ухо оказалось возле ее губ, и, хихикая, прошептала:

– А он ее любит... А она – его... Жених и невеста... Хи-хи-хи...

Мне почему-то от этого ее «хи-хи-хи» на душе стало еще гаже, чем было. Я вырвала руку и, благо мы уже дошли до нашей площадки, направилась на качели.

Но Надюшка не растерялась и, обогнав меня, первой плюхнулась на сиденье, а когда я уже подошла, показала мне язык:

– А я круче тебя, я первая, ага?

Я молча заняла вторые качели и только начала раскачиваться, как увидела приближающихся Руслана и Леночку.

– Видала? – опять ехидно хихикнула Надюшка. – Она его за ручку ведет.

Подойдя к качелям и увидев нас, Руслан густо покраснел, вырвал руку и постарался «срулить»:

– Ну, видишь, качели заняты. Ты подожди, я пока по своим делам схожу, а потом приду и потолкаю тебя.

– Э не-е-ет! – Леночка прямо вцепилась в рукав Руслановой куртки. – Ищи тебя потом! Ты же проспорил! Ты должен! Давай, сгоняй их.

Еще больше побагровевший Руслан потоптался на месте.

– Ну чего я их сгонять буду... Сейчас они покачаются...

– Ты же проспорил!!! – топнула ногой Леночка. – Ты должен!

– Ну, давай, Руслан, сгоняй меня! – Надюша сильно качнула качели и пронеслась над Леночкой прямо ногами в небо. Когда же качели пошли обратно, Надюша звонко выкрикнула:

– Руслан! Не стыдно тебе? Тебя ж аист принес! А ты слушаешься Ленку, которая случайно получилась!

И снова показала язык.

– Дура! – заорал побагровевший Руслан.

– Зато на качелях! – снова улетаая ногами в небо, провозгласила Надюшка.

– А ты-то... ты-то сама... ты... ты – овощ! – закричала Леночка.

– А вот и нет, а вот и нет! – заливалась Надюшка, снова пиная облака сапожками. – Меня тоже аист принес!

– Да ну вас! – Руслан круто развернулся и пошел к ребятам, сгрудившимся вокруг песочной кучи, которую в это мгновение штурмовала вишневая «девятка», ведомая Димкой.

– Руслан! Руслан! Ты же проспорил! Руслан! – закричала и заплакала Леночка.

– «Милый мой, твоя улы-ы-ыбка ранит, манит, обжигает!» – заорала Надюшка, снова улетаая ногами в небо.

Леночка ударилась в слезы, а Руслан обернулся и показал Надюшке свой мощный кулак. Затем он заложил руки в карманы, демонстративно выпустив наружу большие пальцы, и вразвалочку, вальяжно помахивая локтями, не торопясь, приблизился к песочнице.

– Эй, ты! – обратился он к Димке, который в этот момент бережно обтирал колеса вишневой «девятки», успешно взобравшейся на вершину песчаной горы. – Гони мою машину!

– Это теперь *моя* машина, – не прерывая своего занятия, сообщил Димка.

– Я сказал, гони «девятку». Не то папа придет, я ему скажу...

– Слабак... Без папы никак? – поддразнил Димка и вдруг нехорошо осклабился: – А я твоему папе тоже кое-что скажу. И Марьстепанне тоже.

– Ах ты... гад! – выпалил Руслан и, уже не тормозя в своей мгновенно взвившейся ярости, внезапно провозгласил: – Бей капустных!

Из толпы мальчишек выдвинулся Толик, заслонил собой Димку и презрительно сказал:

– Ну, я тоже из капусты – и чо?

– А нас аист принес, да, Руслан? – заорал откуда-то вынырнувший Сережка и твердо встал рядом с Русланом.

– И че? Вы круче нас, что ли? – так же цедя слова, спросил Толик. – Эй, кто еще из капусты? Айда к нам!

Вокруг внезапно получившего такую мощную поддержку улыбающегося Димки образовалось плотное кольцо девчонок и мальчишек, которые всем своим видом показывали, что будут защищать свой огород до последней кочерыжки.

– Кого аист принес – ко мне! – завопил Руслан так громко, что было слышно даже на соседней площадке, где гуляла другая группа. Затрещали кусты, и к нашим, уже побросавшим свои дела и сгрудившимся возле Руслана детям присоединились несколько крепких ребят постарше.

– Чего у вас тут? – спросил один из них, размазывая по физиономии кровь от царапины, полученной при штурме уже пожелтевших и изрядно пообтрепавшихся на осеннем ветру насаждений. – Во что играем?

– Капустных учить будем... Чтоб не в свое дело не лезли, – грозно пообещал Руслан.

И тут Надюшка, которую призыв Руслана буквально сдул с качелей, стоявшая теперь с ним плотно плечом к плечу, завопила, увидев, как к «аистовой» группе решительно приближается Леночка:

– А ты куда прешься? Ты не наша... Ты – случайная!

Леночка зарыдала и бросилась к беседке, где Марьстепанна разговаривала с воспитательницей соседней группы.

– Стучать побежала, – процедила сквозь зубы Надюшка. – Таких только дятлы приносят!
– Машка! – закричал Сережка. – А ты чего там сидишь! Давай к нам! Или ты тоже из овощей?

– Маша! Ты к нам иди, к нам! Мы кочаны, из земли выросли, мы крепкие и полезные! В нас витаминов много! – кричала возбужденная, покрасневшая Катюша. – А они... мало ли откуда их аисты притащили? Может, с помойки!

– Что-о-о-о-о? – взревел Руслан и, перешагнув через бортик песочницы, бросился на Димку. Тот взвизгнул и ударил Руслана вишневой «девяткой». Толик повалил Сережку, Павлик самозабвенно совочком вздымал в воздух кучи песка, а Надюшка надела ведро на голову Катюшке и колотила по нему красной лопаткой. И так в этой песочнице все бурно завязалось, что, когда, ведомые Леночкой, к месту побоища прибыли воспитатели, разобрать, кто тут из капусты, а кто – от аистов, уже было невозможно. Из плотного, поднятого Павликом песчаного облака лишь время от времени выпадали окончательно изнемогшие «бойцы»: у одного текла кровь из носа, у другой – разорвана куртка и взлохмачены волосы, у третьего – оторван воротник и нет одного ботинка. За вырвавшейся из этого ада кашляющей, чихающей, трущей руками глаза Катюшкой волочились кружева от юбки, а Миша, утирая разорванным рукавом обильно текущие из носа сопли, беспомощно шаря по земле руками, искал свои очки.

– Прекратить! – надсаживались воспитатели, тщетно пытаясь пробиться сквозь песчаный торнадо. Наконец кому-то пришлось в голову вырвать у вдохновенного Павлика его волшебный совочек. И когда пыльная туча осела, взору открылась страшная картина. От бортика к бортику песочницы перекатывались два сросшихся, сцепившихся, хрипящих, сопящих, орущих и плюющихся тела, между которыми намертво была зажата вишневая «девятка». Как ни пытались воспитательницы их разодрать, удалось только рывком поднять обоих в вертикальное положение.

– Дима! – кричала Марьстепанна. – Немедленно отдай Руслану его машину!

– Не отдам! – хрипел отплевывающийся Димка, с ненавистью одним глазом глядя на противника, ибо второй глаз уже заплывал и наливался переливающейся синевой. – Она теперь моя!

– Руслан! Выпусти машину! – Марьстепанна была в отчаянии.

– Не выпущу! Это моя машина! – угнув от напряжения голову, трубил Руслан. – Кочерыжкам не уступаем!

– Дима, я же тебе пальцы сломаю! – кричала соседская воспитательница, не в силах разжать упрямую пацанскую хватку.

И вдруг к Димке сзади неожиданно подскочила покрасневшая Леночка, мгновенно нырнула руками под его куртку и... начала его щекотать. От неожиданности Димка завопил и дернул руками, а Руслан, потеряв противовес, плюхнулся на песок вместе с машиной.

Запыхавшаяся, встрепанная Марьстепанна завладела наконец этим вишневым «яблоком раздора» и, высоко подняв над головой «девятку», словно боясь, что до нее кто-нибудь допрыгнет, провозгласила:

– Я отдам машину только папе Руслана! И никогда больше никто не приносит свои игрушки в сад! Я запрещаю!

Разъяренный Димка, бросившийся было на Леночку с кулаками, услышав эти слова, развернулся и, недобро прищурив свой единственный глаз, сообщил:

– Марьстепанна! А Руслан-то таракана с собой из дому в коробочке принес. А потом в тарелку пустил.

На секунду повисла пауза. Руслан замер, хватая ртом воздух, а из-за его спины выскочила Надюшка и, кривляясь, закричала:

– Неправда! Неправда! Докажи!

– И докажу! – в азарте закричал Димка, уже не понимая, что делает. – Вот она – его коробочка. Он ее после завтрака в шкафчике прятал. А я нашел! Вот, вот, сейчас...

И он полез сперва в карманы куртки, которые оказались безжалостно разорваны, потом – в карманы штанов... Но кроме каких-то проволоочек, болтиков и песка, в них ничего не оказалось.

– Как же... – растерянно бормотал Димка. – Я же ее с собой взял. Наверное, в песочнице потерял. Я найду! Я докажу! – закричал он в отчаянии и бросился обратно в песочницу.

– Сто-о-о-оп! – в который раз за этот день во всю мощь своих легких заорала Марьестепанна. – Всем построиться! Все в группу! Никакой прогулки! Никаких игрушек. Все наказаны!

И, торжественно неся перед собой вишневый военный трофей, направилась к дверям. Потирая ушибленные места, подбирая шапки и перчатки, разбросанные игрушки, дети гуськом потянулись за воспитательницей.

Димка все еще шарил в песке, когда проходящая мимо него Надюшка презрительно-торжествуя произнесла:

– Ну что, получил, стукач? Так тебе и надо! Ябеда-беда...

Димка осатанело запустил в нее горстью песка и только тут заплакал.

– Быстрее, быстрее, быстрее! – торопила Марьестепанна, стоя в дверях и «по головам» пересчитывая растерзанных, изодранных, поникших карапузов. – Дима! Тебе особое приглашение надо?

Димка, продолжая плакать, тяжело поднялся и побрел к двери. Мы с Леночкой шли последние.

– Редкий случай! – провозгласила раздраженная Марьестепанна, пропуская нас, заходя и захлопывая дверь. – Ну, Леночка еще понятно, она всегда девочка послушная. Но ты-то, Маша, ты! Остаться в стороне от такого приключения! Как это ты умудрилась?

– Мне нечего было делать, – ответила я. – Кого-то принес аист, а кого-то нашли в капусте. А меня-то Бог создал...

– Час от часу не легче! – буквально возопила Марьестепанна. – Все сегодня с ума сошли...

И она, обгоняя детей, стала быстро подниматься в группу, на ходу крича:

– Куртки-ботинки – в шкафчики! Всем умываться и сесть в группе на свои стульчики в круг! Будем стихи учить до обеда!

Уже в дверях мы с Леночкой догнали Руслана и Надюшку, которая на ходу отряхивала с его куртки песок. Леночкины глаза наполнились слезами, и, проходя мимо них, она обиженно прошептала:

– Ты же проспорил... Это нечестно... На качелях меня так и не покатал.

– Не до тебя было, – ворчливо отозвался Руслан. – В следующий раз как-нибудь...

– Он теперь меня на качелях качать будет, правда, Руслан? – торжествуя произнесла Надюшка, и я увидела, как ее рука тихонько сунула спичечный коробок в ладошку Руслана.

– Буду! – опешивши, счастливо протянул Руслан, крепко зажав коробок в кулаке. А уже навзрыд плачущая Леночка побежала к своему шкафчику.

Всех потом долго ругали, отмывали, заливали йодом и зеленкой, а затем усадили в круг, и до самого обеда воспитательница читала по книжке, а мы хором скучно повторяли:

Ведь недаром сторонится
Милицейского поста
И милиции боится
Тот, чья совесть не чиста!

После прогулки стрелочка оказалась снова на палке с носом, как ночью! Перепрыгнула и затаилась там до самого обеда! И хотя, пока мы все зубрили стихи, было томительно, тягостно, долго и скучно, сколько на нее ни смотри, она так и не двигалась. Но я теперь точно знала: стоит только отвернуться... и кому ведомо, сколько раз она прыгнет и в какую сторону???

Впрочем, за это длинное и такое насыщенное событиями «сегодня» я так устала, что, когда всех строгим голосом отправили в кровати на тихий час, я вопреки обыкновению даже обрадовалась. Забравшись под свое одеяло с утятами, я с наслаждением слушала, как что-то бормотал во сне Руслан, как всхлипывал Димка, как ворочалась на соседней кровати тоже не

спящая Леночка, и старалась не думать о том, что впереди меня снова ждут пустота, темнота, тишина и одиночество.

– Маша! – Леночка, заметив, что я тоже не сплю, потянулась ко мне со своей кровати. – Маш! А если тебя не приносил аист и тебя не находили в капусте, а создал Бог, так, может, и со мной так же было?

– Скорее всего, – шепотом ответила я. – Нас всех Бог создает. А к родителям отправляет по-разному. Кого-то аисты на балкон приносят, кого-то на даче в капусте находят.

– А тебя как Бог родителям отправил?

– Не знаю, не спрашивала, – недовольно ответила я, потому что в свете происходящих событий об этом мне почему-то говорить совсем не захотелось. – Знаю только, что он почему-то не очень торопился.

Леночка замолчала, еще немножко повозилась в своей постельке, повсхлипывала, видимо вспоминая, как обидел ее Руслан, и затихла. И вскоре со стороны ее кровати послышалось сладкое причмокивание.

Тут на пороге спальни вдруг возникла воспитательница, внимательно оглядела все кровати, нашла меня глазами и, увидев, что я не сплю, вместо того чтобы, по обыкновению, начать сердиться, стала делать мне какие-то загадочные знаки. Она то прикладывала к губам палец, то махала рукой к самой себе, как будто я должна была встать и подойти к ней.

«Что такого я могла натворить, что меня собираются наказать прямо во время тихого часа?» – недоумевала я. – Неужели она услышала, как мы с Леночкой разговаривали? Но тогда бы она пришла раньше и не размахивала бы руками, а прямо отправила бы нас в угол».

Пока я так размышляла, Марьстепанна, видимо, окончательно потеряла терпение: на цыпочках прокравшись ко мне между кроватями, все так же прикладывая к губам палец, вытащила меня из постели и, потихоньку подталкивая сзади, повела в игровую.

На пороге спальни мои ноги просто приросли к полу: в дверях группы стояла... Бабушка!

Я взглянула на стену: маленькая стрелочка показывала на «рыбий хвостик». За окнами темнело... Это уже «завтра»? Но я же точно знала, что не спала!

– Машенька! – Бабушка в пальто и сапогах не могла шагнуть в группу и нетерпеливо перетаптывалась на пороге. – Давай, одевайся скорее, нам с тобой много важных дел сделать надо!

А я все стояла и смотрела на нее во все глаза, пытаюсь понять: может, это я сейчас сплю и все это мне снится?

– Машуня, некогда! – между тем вполне реально звала меня вполне реальная Бабушка. – Давай одевайся скорее!

– Беги, беги! – еще раз подтолкнула меня Марьстепанна. – Ты что, не рада бабушке? Ты ведь так ее ждала.

Совершенно ошалев от всего произошедшего в это бесконечное «сегодня», я поплелась в коридор одеваться, слушая, как Марьстепанна рассказывает Бабушке про мои ночные приключения.

Натянув на себя все, что полагается, я была крепко взята за руку вполне осязаемой знакомой Бабушкиной рукой, и мы с ней побежали по ступенькам вниз, толкнули дверь, вихрем пронеслись по детсадовскому двору и выскочили на улицу.

– Бабушка, – только и успела спросить я, – откуда ты взялась? Ведь «завтра» еще не наступило, сейчас же еще «сегодня»?

– Не говори глупостей, сегодня уже завтра, – недовольно буркнула Бабушка. – Побежали, а то ничего не успеем.

Сеял мелкий-мелкий колючий снежок, частым тюлем занавесивший фонари, и в их тусклом, неверном, каком-то притухшем свете многочисленные прохожие рисовались безликими темными силуэтами.

«Мы – не правые! Мы – не левые! Мы – валенки! Рекламная служба Русского радио, 913–99–63», – гарцующий мужской голос, несущийся из динамиков, установленных в какой-то палатке, словно снаряд, таранил уши. Нахлобучив шапки, опустив как можно ниже на лоб платки и капюшоны, ссутулившись, пряча лица от бессмысленно больно бьющей снежной шрапнели, люди семенили по своим делам, хаотично пересекая нам дорогу, запинаясь об меня, наталкиваясь на Бабушку, которая была отчего-то несколько возбуждена:

– Машенька, быстрее. Нам с тобой надо забежать в магазин, купить поесть. Мне совсем некогда было, дома ничего-ничего нет.

Мы стремительно неслись по улице, вплотную заставленной длинными рядами палаток, из-за которых подчас не было видно даже самих домов. Иногда в промежутке между палатками внезапно высвечивался какой-нибудь «Гастроном», но Бабушка почему-то проскакивала продуктовые магазины. В то же время мы несколько раз резко сворачивали к различным неприметным дверям, над которыми – всеми поголовно! – висели одинаково-скучные, неприметные таблички. Бабушка, отмахиваясь от назойливо лезущей в глаза снежной крупы, всякий раз долго в них вглядывалась, шевелила губами, что-то соображая, потом недовольно бурчала:

– Нет. Это уж совсем бессовестно. Побежали дальше.

И мы бежали. Бежать я, правда, уже совсем не могла – какая-то свинцовая усталость навалилась на меня. Но, боясь потерять в этом самом странно и непонятно как идущем Времени так неожиданно и счастливо обретенную Бабушку, я изо всех последних сил переставляла ноги, стараясь попасть в такт спешащим Бабушкиным шагам. Только один раз я решилась спросить:

– Бабушка, а что мы ищем?

– Курс! – безапелляционно отрезала она и, повздыхав возле очередной двери с очередной, как две капли воды похожей на предыдущие табличкой, снова бросилась вперед. – Мне сегодня случайно перепала не наша денежка.

«Я сегодня не такой, как вчера! Я голодный, но веселый и злой!» – грянуло прямо в мозг из очередной палатки, и, словно подгоняемая этими словами, Бабушка круто свернула в темнеющую арку какого-то дома.

– Вот, – удовлетворенно сказала она, изучив вывеску. – Вот тут еще ничего.

Она заглянула за стекло узенькой дверцы – внутри тесного помещения маячил человек.

– Все, стоим, ждем! – И полезла в сумку за кошельком.

В арку безжалостная снежная плетка почти не достигала. Однако сквозняк был настолько изрядный, что мне казалось, что кто-то невидимый и очень сильный подталкивает меня в спину обратно на улицу. Я вцепилась в полу Бабушкиного пальто – в фиолетово-сиреневом сиянии света, едва пробивавшегося из помещения, куда мы должны были войти, все происходящее казалось мне какой-то фантазмагорией. Но ткань на ощупь была вполне знакомой, знакомой была сумка, из которой Бабушка сперва достала очки, затем кошелек и какую-то темно-красную тоненькую книжечку. Знакомым было Бабушкино сопение и тихое бурчание чего-то себе под нос. Насколько позволяла шапка, задрав голову, я наблюдала, как бережно Бабушка вынула из кошелька длинную узкую бумажку, вложила ее в книжечку и, крепко-крепко зажав в руке, замерла в ожидании, поверх водруженных на нос очков буравя взглядом спину не торопящегося выходить человека.

– Бабуля, а что это за книжечка?

– Паспорт, – немногословно ответила Бабушка.

– А зачем он нужен?

– Без него денежку не поменять.

– А зачем менять?

– Сама не знаю, – недовольно буркнула Бабушка. – Чтобы поесть купить. Стой спокойно, сейчас дядя выйдет, и мы зайдем.

– «Поле, поле, поле свежий ветер пролетал! Поле свежий ветер, я давно о нем мечтал!» – надсадно-хриплый, надрывный оптимизм песни сквозняком проносился сквозь арку и терялся где-то в глубине занавешенного снежной сеткой темного двора.

Наконец человек за стеклом активно завожился, так что толстая, дубленая, какая-то негнушающаяся куртка на нем буквально заходила ходуном. Упрямо угнув большую круглую голову в тонкой, обтягивающей, черной трикотажной шапочке, он стал неловко разворачиваться – для его крупной фигуры места там было явно недостаточно. Упираясь локтями в стены, на ходу копаясь в нагрудном кармане, он ногой распахнул дверь. Из крохотного помещения пахло спертым, застоявшимся воздухом; стало видно узенькую прорезь в сплошной железной стене, небольшую перекосившуюся лампу дневного света и несколько неопрятный, от руки написанный, косо повешенный листок бумаги под ней. Бабушка, вытягивая шею, немедленно стала вглядываться в этот листок и, подталкивая меня, шагнула было в отворенную дверь. Но в этот момент сильный порыв сквозняка, внесший очередное истошное «Поле, поле, поле...», качнул грузную мужскую фигуру, шагнувшую с высокой ступеньки прямо на Бабушку, и... красная книжечка выпала из ее рук. Узкая бумажка на лету выпорхнула из книжечки и, подхваченная сквозняком, стремительно понеслась в прогал арки на улицу.

– Маша! Держи! Держи, Маша! – истошно закричала Бабушка. И я, ничего не соображая, побежала, стараясь не упустить из виду выющийся по ветру и стремительно удаляющийся клочок бумаги.

В этот самый момент какой-то нереальный, ужасающий скрип тормозов буквально разорвал всеприглушающее снежное полотно. По проезжей части улицы, загребая колесами, на бешеной скорости из-за поворота вылетела темная машина, которая внезапно вдруг взорвалась многочисленными красными огоньками. «Та-та-та-та-та-та» раздалось из машины, и вокруг меня все защелкало, зацокало, зазвенело, словно кто-то щедрой рукой метнул в стену дома целый град мелких камушков. А навстречу ей, на такой же бешеной скорости, неслась другая, на корпусе которой странным образом сами собой стали расцветать рваные, словно лепестки розы, дырки. И из нее тоже в белесоватую взвесь воздуха что-то глухо-ритмично затарахтело. Вслед за этим послышался скрежещущий звук оседающего и бьющегося большого стекла.

Бумажка, крутясь, приземлилась аккуратно в огромную лужу, разлитую на выезде из арки, и я, споткнувшись обо что-то, летела туда же.

– А-а-а-а! – глухо в снежной пелене закричало множество голосов, но больше я уже ничего не видела, потому что сверху на меня упало что-то тяжелое, заставив черпнуть носом грязной холодной воды.

– Что вы делаете! Вы же ребенка задавите! – услышала я возмущенный Бабушкин вскрик. На секунду наступило облегчение, я уже хотела встать на четвереньки, но тут надо мной произошла какая-то возня, и почти над моим ухом грубо, с особым нажимом, мужской голос проорал:

– Ложись, дура, если жить хочешь!

После чего тяжелое снова обрушилось на меня, а через секунду – еще больший вес буквально расплющил меня об асфальт. Под мою куртку стремительно заползала ледяная вода. Вокруг все еще гремело, тарыхтело, звенело, орало и визжало, но все это было слышно как бы «под сурдинку»: на мне, плотно вжимая меня в лужу, лежала охающая Бабушка, а рядом с моим лицом, мощно упираясь ладонью и пальцами в землю, распласталась в грязной воде огромная мужская рука.

«Русское радио! Все будет хорошо!» – провозгласил динамик. Потом что-то сильно грохнуло, запахло гарью, снова раздался крик, вслед за тем чей-то гнусавый голос тягостно и тоскливо затянул:

...Не ходи к нему на встречу, не ходи,

У него гранитный камушек в груди!

Вода, обжегшая было мое голое пузо, стала постепенно согреваться, я – под непомерным весом двух взрослых тел – тоже, веки отяжелели...

Пусть он ходит за тобою по пятам,
Ты не верь его обманчивым словам!
Он слова тебе красиво говорит,
Только каменное сердце не болит, –

едва слышно и убаюкивающе-уютно сквозь шелканье и вопли доносилось до меня.

Твое счастье разобьется на куски,
Ты с ума сойдешь от горя и тоски...

Ритмичный стук камушков раздался как-то особенно близко. Бабушкина голова, как будто ее кто-то толкнул, уперлась лицом мне в плечо. Вслед за этим раздался еще более ужасающий грохот. Что-то сверкнуло, полыхнуло, и гнусавое вытье из динамика оборвалось. Глаза мои сами собой с облегчением закрылись. Чтобы не захлебнуться, я дотянулась щекой до этой большой мужской руки, возвышающейся над водой, как спасительный остров, и... поплыла в какой-то сладкой пелене. В ней рядом со мной в пустом темном пространстве детсадовской спальни кувыркалась ставшая больше меня самой золотая пудреница, отсверкивающая то рубиновыми розовыми лепестками, то пожелтевшим циферблатом, на котором, видимо, окончательно сбрендившая маленькая стрелочка встала вертикально и настойчиво стучала в мутное стекло, словно хотела его продырявить.

– Маша, Маша? Что с тобой, Маша?

Отчаянный Бабушкин голос прорезал пустую безразмерность, пудреница захлопнулась, зажевав откуда-то взявшуюся в ней Бабушкину денежку, с которой на меня пронизательно-пристально смотрел худой бородатый дядя. Внезапно стало холодно...

– Маша! Да господи, что с ней?

Стояла такая нереальная тишина, что было слышно, как снежная крупа шуршит по асфальту. Я приоткрыла глаза – вокруг было почти совсем темно. Почему-то не светились фонари и магазинные вывески, вместо витрин зияли черные пугающие дыры. Бесплотными черными тенями над улицей нависали дома, и только чуть поодаль от нас, нарушая цветное серо-белое однообразие, пробивались красно-желтые всполохи: видимо, разгорался подожженный табачный ларек. Глаза закрывались сами собой, хотелось лечь обратно в теплую лужу, свернуться калачиком, спрятав лицо, чтобы снежный песок перестал хлестать по щекам.

Но меня очень сильно трясли, разбрызгивая во все стороны миллионы маленьких склизких капель...

– Да спит она у вас, спит, – засмеялся кто-то.

С трудом до конца разлепив глаза, я увидела рядом с трясущейся крупной дрожью Бабушкой того самого мужчину в картонной дубленой куртке, правда, почему-то без обтягивающей голову трикотажной шапочки. С него, как и с Бабушки, ручьем стекала грязная вода.

– Угрелась под нами и заснула. – Мужчина отер перепачканное лицо носовым платком, что, впрочем, было совершенно бесполезно, потому что грязные полосы еще больше размазались по щекам и по лбу. – Тьфу, черт... Холера им в бок, козлам... Совсем обнаглели... Палить среди бела дня там, где народу полно... Ехали бы себе на свои «стрелки» в лес куда-нибудь. Ворон бы постреляли – все польза. Развелось его нынче, воронья-то... немудрено, впрочем... падали с каждым днем все больше...

Бабушка подпрыгивающими руками перевернула сумку, сливая из нее воду, и опять принялась меня трясти, время от времени беспомощно поднимая лицо к мужчине:

– Вы уверены? Вы уверены? Ее точно не задело?

Мужчина нагнулся, внимательно меня осмотрел и снова засмеялся:

– В рубашке родилась... И пять долларов с собой прихватила!

Он перевернул мой страшно грязный судорожно-сжатый кулачок и, с трудом разогнув пальцы, вынул оттуда мокрую смятую зеленую бумажку.

– Натек-ка, спрячьте. – Мокрый комочек был всунут в Бабушкину ладонь, и она, явно не понимая, что делает, послушно засунула бумажку в хлюпающий карман.

И в этот момент гнетущую тишину разорвал заунывный вой сирен. Мужчина тревожно огляделся и сказал:

– Вы бы это... вели ее домой скорее... Простудитесь сами, она застудится... Да и... не надо вам все это... а ей тем более...

– Да-да-да, – истерично повторяла Бабушка, но почему-то не трогалась с места.

– Понятно. – Мужчина внимательно посмотрел на Бабушку, решительно взял ее под локоть, а меня за руку и быстро потащил по улице, стремясь свернуть за ближайший угол. Звук сирен становился все ближе, улица слабо осветилась холодным мигающим светом многочисленных «маячков», с трудом пробивающих крупяную снежную завесь.

– Быстрее, быстрее! Быстрее ногами перебирай! – Мужчина почти волоком волочил меня по асфальту, ловко лавируя между какими-то неподвижными темными кучами, по изгибам и складкам которых протянулись уже снежные пробелы. И вдруг в одной из куч в неверном свете приближающихся «мигалок» я разглядела человеческое лицо с какими-то странными, опрокинувшимися, остановившимися глазами... Стало очевидно, что всё это люди, которые почему-то не торопятся подниматься.

– Бабушка, – проблеяла я. – А почему они не встают?

– Спят они... спят... Как ты, угрелась и спят, – досадливо бросил мужчина и еще прибавил шагу.

– А когда они проснутся? – захныкала я.

Сил моих бежать больше не было никаких, ноги просто тащились по земле, и было очень больно руке, за которую меня беспощадно тянули.

– Кто их знает? Может, завтра... А может, никогда!

Мужчина на бегу нервно покосился на темную, безжизненную, какую-то всю словно раскуроченную замершую безмолвную темную машину, с которой мы в этот момент поравнялись, и резко скомандовал:

– Бегом, девочки!

На ходу подхватив меня на руки, под Бабушкино отчаянное «Не могу больше, не могу, сейчас сердце выпрыгнет» он резко вволок нас за угол, пробормотав: «Жить захочешь – не так раскорячишься», толкнул Бабушку к дому и больно прижал меня и ее всем своим телом к стене.

Что-то сверкнуло и гроыхнуло так, что у меня щелкнули зубы и сами собой потекли из глаз слезы. Из-за угла полыхнуло багровым светом, омерзительно запахло чем-то прогорклым, щиплющим нос и горло. Вместе с гарью в улицу влетел большой кусок железа и заскрежетал, тормозя по асфальту.

– Целы? – спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, потребовал: – Тогда еще немножко бегом.

И побежал. Мой подбородок стучался о его плечо, от этого я внезапно прикусила язык, во рту стало противно солоно. За мужчиной, держась за сердце, бежала Бабушка с каким-то перевернутым бледным лицом.

– Не хочу «сегодня»... – захныкала я. – Не хочу «завтра»... Пусть будет всегда «вчера-а-а-а»...

– Вчера, к сожалению, уже больше никогда не будет. – Мужчина добежал до сквера перед каким-то домом и плюхнулся на засыпанную снежной крупой скамейку. – А какое будет завтра... только Бог знает.

Рядом, задыхаясь, буквально упала Бабушка.

Мужчина пересадил меня поближе к ней и распахнул свою картонную мокрую куртку, которая теперь на нем и вовсе буквально стояла колом. Я прижалась к Бабушкиному мокрому пальто, глаза сами собой закрывались, и казалось, совсем закрыться им не давали только обильно текущие слезы.

– Простудитесь, – стуча зубами, сказала мужчине Бабушка. – Маша, не три глаза, руки совершенно грязные.

Судя по тону, она начала приходить в себя.

Какое-то время взрослые молчали. Наконец мужчина закончил шарить по карманам, досадливо пробормотав:

– Тьфу, черт... кажется, паспорт я обронил... целая история...

Они еще немного помолчали, и мужчина спросил:

– Вы живете-то далеко?

Бабушка оглянулась так, словно первый раз видела эту улицу.

– А?.. Н-нет. Мы на параллельной живем...

– Тогда пошли. – Мужчина встал, с трудом застегнулся и взял меня на руки. – А то воспаление легких точно обеспечено.

Наверное, я наконец заснула, потому что очень смутно помню свет из открытой двери нашего подъезда и то, как мужчина перегружал меня на руки Бабушке. Помню еще, что Бабушка сказала ему «спасибо», а он как-то неловко бросил на ходу «не за что» и исчез в белесоватом крупяном завихрении. Смутно помню, что меня раздевали, горячий душ, зеленый ночничок с крутящимися в нем рыбками и, наконец, постельку, мою настоящую домашнюю постельку, в которую уложила меня Бабушка.

– Бабуль, – уже уплывая в сладкий покой, пробормотала я. – Это и была геенна огненная, которой Бог всех наказывает?

– Господи... все глупости у нее голове перепутались, – как-то невесело засмеялась Бабушка, села на кровать и стала поить меня каким-то ароматным горячим питьем. – Ну, немудрено... Бог, Машенька, не так наказывает... Так он нас с тобой учит... потому что любит... шутка ли... как повезло...

– Люби-и-ит? – Я даже глаза на минуту разлепила. – Вот Надюшка Руслана любит, она для него коробочку с тараканами стащила. Руслан любит Леночку – он йогурт за нее съел, на качелях ее обещал покатать... А Димку он не любит – он его бил...

– Спи, дурочка! – Бабушка поцеловала меня, забрала чашку, укрыла потеплее, положила прохладную руку на лоб. – Спи. Не всегда, когда бьют, не любят... Иногда совсем наоборот.

Рассказ третий

Бим и судьба

Он сидел на тропинке и... улыбался. Вы думаете, собаки не умеют улыбаться? Это вы просто ничего не знаете о собаках. Или мало с ними общались. Или вы просто излишне взрослый человек.

Он был страшно грязен. С его длинного, как у таксы, тела, с коротких плотных лапок, с кустиков торчавшей на квадратной терьерной морде шерсти и даже с огромного трехцветного веера хвоста капало какой-то бурой жижей. Он явно только что вылез из огромной лужи, которая в нашем лесу практически никогда, даже самым жарким летом, не пересыхала, этим претендуя лет через десять-пятнадцать сменить статус на скромное озерцо.

Бабье лето было в полном разгаре. И хотя вовсю уже сыпался лист, день был очень жаркий, и пес, видимо, так спасался от перегрева. Сейчас ему было хорошо. Наверное, поэтому, завидев меня и моего пластмассового фиолетового зайца, которого, сильно обогнав Бабушку, я толкала впереди себя на палке, он решил поделиться со мной этим своим благодушным настроением: махнув хвостом, расплескивая грязные капли, пес сперва прильнул к земле, словно приглашая меня играть, потом сказал негромкое «гав», подпрыгнул, сделал несколько шагов ко мне, облизнулся и сел.

Я его «гав» ничуть не испугалась, а совсем наоборот.

– Ты чего улыбаешься?

Пес встал, теперь уже уверенно, широко и плавно замахав хвостом, еще раз встряхнулся, обдав меня грязным фонтаном брызг, и решительно направился ко мне погладиться. Но тут сзади коршуном налетела Бабушка:

– Маша, Маша! Ты с ума сошла! Я только на тебя все чистое надела! Не смей его трогать! Это же незнакомая собака!

– Бабушка, какая же она незнакомая? Она же улыбается!

– Грязный какой! И наверное, кусается. – Бабушка схватила меня за руку и поволокла за собою, широким кругом обходя недоумевающего Тузика.

Я обернулась. Словно впад в оцепенение, он застыл столбиком на дорожке, и его шоколадные глаза засветились грустью.

– Бабуля, давай возьмем эту собачку? – взмолилась я. – Она такая хорошая.

– Плохих собачек не бывает. Тебе дай волю, ты всех домой притащишь, от мокриц до крыс! – ворчала Бабушка, крепко держа меня за руку.

– Бабуля, нет, давай эту! Только эту, она грустная и улыбается. Мы же такой не видели никогда. – Я стала намеренно тормозить Бабушкин широкий ход, приседая, обвисая на ее руке и волоча сандалии по тропинке.

– Во-первых, – вдруг круто остановилась Бабушка, – если мы будем брать всех животных, которых жалко и которые улыбаются, у нас дома будет зоопарк. А во-вторых, я не скоро смогу купить тебе другие сандалии, и ты будешь ходить босиком!

Она развернулась и пошла к детской площадке. Я еще раз оглянулась, но пса уже не было видно за поворотом дорожки. И мне пришлось нехотя плестись за Бабушкой.

Но хорошее настроение ко мне уже не возвращалось: не радовали ни любимые качели, которые неожиданно были свободны (наверное, в эти ранне осенние выходные все дети еще подлежали вывозу на дачу), ни карусель, на которой довольно сильно, совсем, как я люблю, раскрутила меня Бабушка.

– Ну что, не хочешь кататься?

– Нет.

– Ну, тогда поиграй в песочке, что ли. А я почитаю газету. – И Бабушка с облегчением расположилась на лавочке в тенечке, достала очки, аккуратно расправила убористо испещренные буквами большие листы и углубилась в новости.

Я же села на поваленную березу и попыталась представить, где сейчас тот песик и что он делает. Снова валяется в луже? Или гоняет бабочек на поляне? Или, может быть, нашел другую девочку, чья мама оказалась стоворчивее? И сейчас он гордо вышагивает за своими новыми хозяевами в надежде получить от них сладкую косточку или свежую котлетку?

Впрочем, последний сюжет мне показался совсем фантастичным – уж очень был грязен и неказист мой новый несостоявшийся друг. Скорее всего он залег где-нибудь под деревом и так же томится теперь, как и я... Тут пришлось сглотнуть слезы, чтобы Бабушка, которая время от времени поверх очков посматривала, что я делаю, не приставала, отчего я плачу. Так, глядя перед собой в пустоту, до конца прогулки я и просидела, бессмысленно-монотонно толкая на всю длину палки своего зайца вперед-назад.

– Ну, что ты накуксилась? – спросила Бабушка, когда прочитала всю газету от корки до корки, аккуратно сложила очки и встала с лавочки. – Пойдем. Нам пора обедать.

Я молча поплелась за ней.

Но у самого последнего поворота к выходу из леса в тени огромного старого дуба я снова увидела этого барбоса. Он уже успел обсохнуть, и каждая его не-пойми-какого-цвета шерстинка топорщилась отдельной светящейся на солнце стрелочкой. А вокруг бубликово-фонтанного хвоста переливался радужный отсвет.

– Пе-еси-ик! – заорала я и, кинув на дорожке надоевшего фиолетового зайца, понеслась к нему навстречу.

Барбос второго приглашения ждать не стал: снова припал к земле передними лапами, подпрыгнул и, лая, помчался ко мне. И прежде чем Бабушка успела меня догнать, мы с ним встретились, я обняла его за шею, а он, смеясь, лизнул меня в нос.

– Пошла, пошла... пошел! – кричала запыхавшаяся Бабушка, размахивая газетой и моим фиолетовым зайцем. Пес с отчаянным лаем прыгал вокруг нее, словно хотел сказать: «Хорош сердиться! Давай играть!»

– Маша! Прекрати с ним обниматься! Это гарантированные глисты! Он же уличный! – кричала Бабушка.

Но мы с Тузиком уже неслись наперегонки: он лаял и нарезал вокруг меня круги, изо всех сил размахивая своим фонтаном, а я орала во все горло:

– Песик! Ты мой песик!

– Маша! – задыхалась за моей спиной Бабушка. – Маша! Там дорога! Маша! – Она с трудом нагнала меня, схватила за руку и сердито сказала: – Если ты сейчас же не прекратишь, мы больше никогда не пойдем в лес.

– Хорошо, Бабушка. Только пусть песик пойдет с нами!

– Нет, – сердито отрезала Бабушка и поволокла меня через дорогу.

Голова моя, естественно, была повернута назад.

Барбос же аккуратно сел на краю тротуара, цивилизованно переждал проехавшую машину и... затрусил за нами.

– Пошел! Пошел! – развернулась Бабушка.

Он остановился, слабо вильнул хвостом, улыбнулся, переступил лапами и... снова пошел за нами.

– Бабушка, смотри, он же нас уже любит!

– И что?

– И я его уже люблю. Смотри, он меня не кусает!

– А когда он умрет, что ты будешь делать? Собаки живут меньше, чем мы.

– Плакать, – подумав, сказала я.

– Плакать. – Бабушка сердито засопела. – Деня под машину попал три года назад, а мы со Светой до сих пор плачем. Их хоронить... как детей. Ты просто этого пока не понимаешь.

Бабушка еще раз сердито вздохнула, и тут мы подошли к подъезду.

– Но сейчас же он живой!

Совершенно живой и довольный жизнью, улыбающийся пес сидел поодаль от нас и слабо повиливающим хвостом подметал асфальт.

Бабушка обернулась:

– Все, парень, иди. Не трави нам душу!

Пес переступил с лапы на лапу и... не сдвинулся с места.

– Никаких собачек, – неизвестно кому сказала Бабушка и захлопнула за нами дверь подъезда.

Я не разговаривала с Бабушкой до вечера. Обнимая Мишку и Слоника, понуро сидела в своей комнате, глядя в стену и думая о том, как он там, у подъезда, один. Но потом я решила, что, наверное, у пса были и какие-то свои дела и, не дождавшись нас, он потрусил куда-нибудь восвояси и что больше мы с ним никогда не увидимся.

От этого настроение мое не исправилось даже на следующее утро, когда надо было идти в детский сад. Я долго одевалась, ныла, канючила, мы с Бабушкой отчего-то поругались... Уже совсем опаздывая, вконец раздраженная Бабушка рванула в сердцах на себя входную дверь...

На коврике, о который надо вытирать ноги, лежал вчерашний пес и... улыбался.

Бабушка застыла на пороге, а я помчалась на кухню, выхватила из холодильника вчерашний оладушек и сунула своему новому другу.

– Что ты делаешь? – закричала Бабушка. – Он же так никогда не уйдет!

– Не уйдет! Не уйдет! – орала я во все горло. – Ты же не уйдешь, пока я буду в детском саду?

Бабушка решительно перешагнула через пса и, крепко взяв меня за руку, вызвала лифт:

– Ладно. С этим я разберусь, когда вернусь из сада.

Всю дорогу, прыгая то на одной, то на другой ножке, я спрашивала Бабушку:

– Правда, ты его не прогонишь? Правда, ты его покормишь? Правда, он будет жить с нами? Я честное-пречестное буду себя хорошо вести в садике! Я дома буду все делать!

– Я его не прогоню. Я его покормлю. Хотя не знаю чем, я тебя-то толком прокормить не могу. Но с нами он жить не будет, – твердо глядя перед собой, механически, как автомат, отвечала Бабушка. – Я найду ему хозяев.

Но радужным мое настроение в тот день было недолго. Потому что, кому бы я ни рассказывала про чудо появления сегодня на нашем коврике под дверью на *девятом* этаже приبلудного пса, оставленного у подъезда вчера, все только пожимали плечами: ну и что? Прибился и прибился, мало ли их, бездомных, шляется. Вот если бы тебе завели породистого щенка! Это да – целое событие! Леночка сразу стала хвастаться тем, что у нее есть настоящая овчарка, у Кати дома жила болонка, а папа Димки, оказывается, был грозой всего их двора, выгуливая громадного дога.

А потом меня и вовсе крепко-крепко обидели. Собственно, обидели как бы и не меня, а червяка – во время утренней прогулки этот самый Димка бросил мне его за шиворот.

Ко всему мелкому ползающему, прыгающему и летающему я всегда относилась дружелюбно. Мне их было почему-то жалко. При всем своем порой устрашающем виде они казались мне какими-то хрупкими, непрочными, поэтому я хотела, когда вырасту, стать врачом, который лечил бы насекомых от всех поломок.

У нас с Бабушкой по этому поводу даже вышла однажды целая история.

Дело было так: на подоконнике в моей комнате стояли четыре горшка с растениями. Одно из них называлось денежным деревом. Бабушка все жаловалась, что на нем очень много листочков, а вот денег нам все равно не хватает. Тогда я в один из дней просто взяла и сже-

вала их все, как один, рассудив, что таким образом изобилие с растения переметнется к нам с Бабушкой.

Осуществляя сей магический акт, я заметила, что по стеблям других цветов ползают какие-то маленькие симпатичные зеленые жучки. Самым примечательным в них были крохотные прозрачные крылышки, однако пользоваться ими они почему-то не пробовали ни днем, ни ночью – я знаю, потому что специально просыпалась и проверяла.

Два или три дня я ломала голову над этой проблемой, а потом догадалась: да им просто никто не показал, как это делается! И только я решила, что стану тем замечательным человеком, который научит летать этих крох, как Бабушка вздумала затеять генеральную уборку в моей комнате. Протирая подоконник, она тоже заметила копошащуюся между листиков стаю, но почему-то совсем не обрадовалась:

– Ах ты! Откуда это тля завелась? Все денежное дерево вон съела, проклятая!

Пока я раздумывала, сознаваться или нет, кто на самом деле съел денежное дерево, Бабушка решительно схватила один горшок и поволокла в ванную, где, включив душ на полную мощность, стала безжалостно смывать и топить бедных малюток. И сколько я ни вопила в отчаянии, прося не убивать букашек, все было напрасно!

– Тля – это паразит! Она поедает листья! Растения погибнут!

Озадачившись вопросом, кто такой паразит и являюсь ли им я, раз поедаю листья, я упустила момент, когда Бабушка взялась за второй горшок. Стало понятно, что с третьего беззащитных крошек следовало срочно эвакуировать!

Пока она там, в ванной, пыхтела и ворчала, я срочно разыскала на кухне пустую баночку, бережно собрала жучков с оставшегося цветка и спрятала к себе под подушку. А чтобы Бабушка не догадалась, взяла тряпку и стала изо всех сил тереть подоконник.

– Ай, умница, ты мне помогаешь! – обрадовалась Бабушка. – Так бы всегда. Смотри-ка, а на этом цветке их поменьше. Видимо, не успели еще расплодиться... Но все равно надо смыть.

И она унесла третий горшок.

Когда с уборкой было покончено и Бабушка ушла на кухню, я осторожно высадила тлю из банки обратно на растения. И торжественно пообещала зеленым крохам, что больше никогда не дам их в обиду.

– Но и вы должны постараться! Вам во что бы то ни стало нужно научиться летать! А то ведь я в детский сад уйду, а Бабушка вас опять заметит и утопит. И спасти вас будет некому! – объясняла я им громко и убедительно.

Тля молча слушала и жевала зеленые листики. Никаких немедленных попыток взлететь я, невзирая на все тревожные призывы, не заметила. Ну, оно, наверное, и понятно: им же никто не показывал, как это делается!

Тогда я принесла из кухни табуретку, влезла на нее, раскинула руки и, спрыгнув, закричала:

– Смотрите! Смотрите! Надо делать вот так! – И замахала руками, как крыльями. – Я лечу, лечу! А теперь вы!

Но тля по-прежнему молчала, жевала и даже не пыталась расправить крылышки.

Тогда я взяла одного жучка в руки и сильно подбросила вверх. Он камушком упал на ковер и затерялся в его ворсинках. Мне пришлось выковыривать его оттуда бумажкой и пересаживать обратно на листик.

– Ну что же ты, – укоряла я его при этом. – А если бы ты упал на пол, а не на мягкий ковер? Так ведь и разбиться можно.

Но жучок к перспективе своей смерти по неведению остался совершенно равнодушен. Он повернулся ко мне спинкой и пополз по листику в другую сторону.

– Нет, стой! Экий ты непонятливый!

Тут мне пришло в голову, что они не летят потому, что не расправляют крылышки. Может, просто не умеют?

– Смотри! Когда ты оказываешься в воздухе, надо делать вот так!

Я снова пересадила тлю на палец, попыталась аккуратно ногтем отогнуть ей крылышки. Но жучок упорно прижимал их к своему зеленому продолговатому тельцу и терпеливо ждал, когда же я верну его на место.

– Какой ты... ленивый и упрямый! – почти рассердилась я. И тут же сама себя остановила: ну что я от них хочу? Сразу с первого раза редко у кого получается. Надо долго и упорно тренироваться.

Два или три дня подряд я снимала по одному жучку с цветка и пробовала подбрасывать его в воздух. Конечно же, сперва над ковром. Но поскольку действия это никакого не возымело, я решила сделать подобный эксперимент на полу.

И что?

Тля шмякнулась спинкой о паркетину, и... ничего. Учиться летать она упорно не хотела. Зато активно жевала и плодилась.

И конечно, Бабушка ее снова заметила.

– Мы же с тобой их всех смыли! – удивилась она и снова потащила горшки в ванную.

– Вот видите! – назидательно говорила я, опять спешно собирая тлю в баночку. – Из-за вашей лени и упрямства погибают ваши братья и товарищи!

Высаживая оставшихся в живых жучков на свежоотмытые растения, я искренне надеялась, что все произошедшее станет им уроком и убедит их в том, что уметь летать для них просто жизненно необходимо.

Но и эта печальная история тлю ничему не научила. Еще три дня я исправно прыгала с табуретки, по пути подробно инструктируя жучков, как расправлять крылья, как опираться на воздух, как взлетать и приземляться. О, поверьте, я в этом была совершенная дб́ка: ногами во снах у меня это очень ловко получалось! Прямо, совсем, как у Питера Пэна! Однако тля по-

прежнему только жевала и плодилась. И естественно, через какое-то время опять была обнаружена Бабушкой.

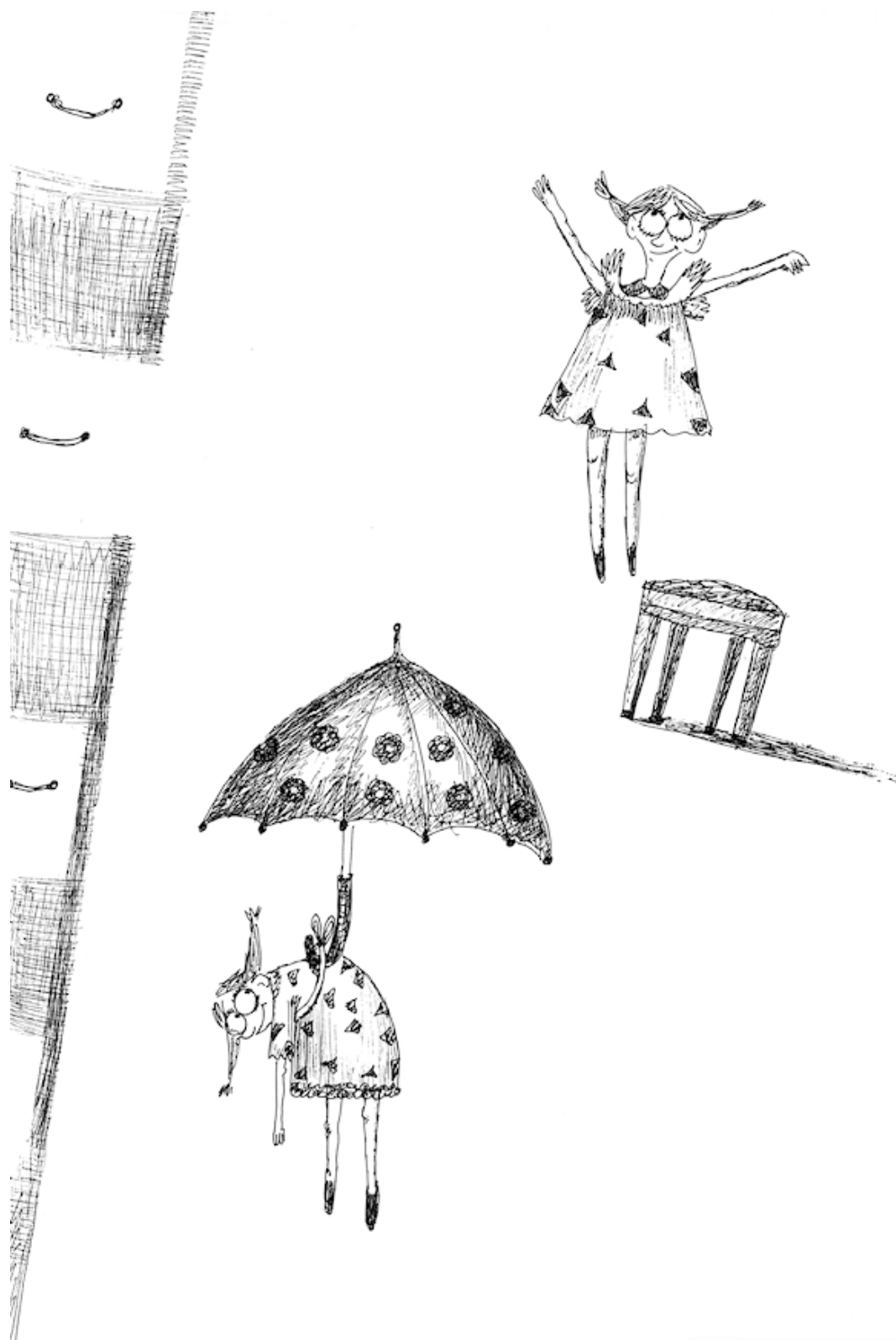
– Откуда только эта зараза берется? – ворчала она, снова таская горшки на помывку.

Я же, в очередной раз собирая тлю в банку, уже не на шутку сердилась:

– Что же вы такие глупые? Такие беспечные! Вот ведь карантин в саду закончится и меня целыми днями не будет дома! Кто же вас будет спасать, если не вы сами?

И снова я несколько дней подряд терпеливо лазила на табуретку, снова подробно рассказывала, как отталкиваться ногами и раскидывать руки, в смысле – крылышки. Но, видимо, терпение кончилось даже у табуретки. Когда в очередной раз, обстоятельно инструктируя своих нерадивых учеников, я собиралась с нее прыгнуть, подо мной подкосилась ножка, и я с грохотом полетела на пол. Разбила себе нос, коленку и, конечно же, громко расплакалась. Влетевшая в мою комнату Бабушка не только меня не пожалела, не только отругала – не за сломанную табуретку, а за «глупые игры»! – но и намазала мне все мои ссадины зеленкой, отчего я орала еще громче.

И не столько от боли, сколько от обиды! Вот у тли на глазах я терплю ради ее спасения такие муки, а ей хоть бы хны!

К ночи я поуспокоилась и начала размышлять. Почему же тля такая необучаемая? Ведь понятно же объясняю! И не один раз. Даже показываю. В чем же дело?

Проворочавшись в своей кроватке до утра, я пришла к выводу, что в моей педагогической системе есть серьезный просчет. Я же им только технику взлета показываю. Но они-то не дураки! В квартире ведь потолок, много не полетаешь, чего же разгоняться? Чтобы они поняли, как это здорово, когда крылья опираются только на воздух, когда свободно кружишь

в небе, поворачиваешь куда хочешь – хоть вверх, хоть вниз, – и все небо принадлежит только тебе, нужно... небо. Я знаю, о чем говорю, – мне столько раз снилось, как я летаю.

Тогда я посадила себе на плечо нескольких, как мне казалось, самых умных жучков и двинулась к балкону. Нет, нет, я не была неосторожна и все продумала: достала из шкафа свой новенький, присланный мне Мамой нарядный зонтик-грибок – чем не парашют?

Распахнутая балконная дверь внесла в комнату приятный попутный ветер. Он, правда, чуть не сдул с моего плеча храбрых первопроходцев, но на этот раз они были умными: сами крепко держались за мою майку своими цепкими ножками.

Я раскрыла над головой зонтик для страховки, засунула его ручку в шорты за спиной, укрепила веревочкой на талии, для проверки раскинула руки – они прямо дрожали от нетерпения в ожидании встречи с воздухом! – и стала перелезать через перила...

Но тут послышался истошный вопль Бабушки:

– Ма-аша!!! Стой! Стой немедленно!

Бабушка, как всегда, все испортила. Она вихрем влетела на балкон, схватила меня за руки, перевернув впопыхах вниз головой, так что тля посыпалась-таки с моего плеча, и внесла обратно в комнату.

– Ненормальная девчонка! Ты меня доведешь до инфаркта! – кричала она, размахивая руками. – Девятый этаж! Верная смерть!

– Бабушка! Стой! Не двигайся! Ты же их раздавишь! – Я ползала по полу, собирая обсыпавшихся с меня жучков. А ведь это были самые смелые, самые отчаянные, те, кто имел реальный шанс, попробовав настоящий полет, объяснить другим, как это здорово!

– Ты что? Ты с ума сошла? – кричала Бабушка. – Кого я раздавлю? Ты чуть не убила!

– Ты не понимаешь! – кричала я в ответ в отчаянии. – Я хотела научить тлю летать! Должны же они уметь спасти свою жизнь, когда ты снова соберешься их топить, а я буду в детском саду? У них же есть маленькие крылышки! Но они почему-то не хотят ими пользоваться. А если бы они поняли, как это здорово – свободно парить в воздухе, ты им уже была бы не страшна!

И вдруг Бабушка села на диван и начала хохотать.

– А я думаю, что такое – три недели цветы купаю, а тля все не переводится. Ты, оказывается, их спасаешь!

– Да! Да! Да! Я их собираю в банку. А ты их просто убиваешь! Не даешь им времени понять, как это делается!

– Деточка! – Бабушка крепко меня обняла и прижала к себе. – Пойми! Во-первых, тля летать не может. Ей природой это не положено.

– А зачем же им тогда крылышки? – Я прямо опешила.

– Для красоты, наверное, – пожала плечами Бабушка. – А во-вторых, они же совсем не безобидные. Они цветы уничтожают! Смотри-ка, они все листики съели, цветок стал засыхать. Тебе тлю жалко, а листики – нет?

– А тебе жаль листики и не жаль тлю?

Бабушка замолчала, поскольку, похоже, отчего-то растерялась.

– Ты не думала, что, может, они, когда летать начнут, сами улетят от нас навсегда и найдут себе другую родину с другими вкусными листьями, – захлебывалась слезами я. – Надо же дать им шанс попробовать!

Тут Бабушка вышла из своей задумчивости и встала.

– Вот что, – сказала она. – Бери-ка ты свою банку. Собирай всю тлю и неси во двор.

– Зачем?

– Видимо, ты права. Тут, в комнате, они ничему не научатся, потому что им лететь некуда. А там, на привольном воздухе, на птичек и стрекоз глядя, они быстрее поймут, как это делается.

Слезы мои сразу высохли. Я мигом собрала всю-всю тлю со всех-всех листочков, тщательно проверила – никого ли не забыла? – и пулей вылетела во двор. Там я бережно рассадила жучков по веточкам деревьев и на листиках кустарника.

И – о чудо! – уже через несколько дней их во дворе не было! Вероятно, оказавшись на настоящем просторе, тля действительно научилась летать!

Какое-то время я очень за нее беспокоилась и даже чувствовала себя немножко виноватой: вот так ни с того ни с сего я сняла ее с родных листиков и выкинула на чужие, в огромный двор, в неведомое. И, проходя мимо тех деревьев и кустарников, я все думала о том, куда же она улетела и хорошо ли ей там? Но, видимо, тля где-то неплохо устроилась, если на мой подоконник она больше никогда не возвращалась.

Но если нам с Бабушкой тогда по поводу тли довольно легко удалось договориться, то с Димкой все оказалось иначе. Прежде чем кинуть этого самого червяка мне за шиворот, откуда он попал прямо на спину под майку, противный Димка сильно его мучил. Я, как только увидела, как он подбрасывает червяка в воздух, немедленно стала просить, чтобы он отдал его мне. Но Димка засмеялся, спрятал кулак с червяком за спину и стал дразнить меня червячной мамой. Я его стукнула и попробовала отнять несчастного, разжимая Димкины пальцы. Но он очень сильно оттолкнул меня, да так, что я упала, и побежал – мне пришлось долго за ним гоняться. Поняв, что догнать его – дело безнадежное, я уже было направилась в сторону воспитательницы, когда Димка вдруг заскочил мне за спину и, сильно дернув за капюшон фуфайки, кинул туда этого самого червяка.

Раздеваться мне пришлось на улице при всех – до майки. И все очень громко смеялись надо мной, вместо того чтобы помочь. И опять дело было не в том, что я не умею сама раздеваться-одеваться, а в том, что я намеренно долго копалась, боясь раздавить червяка.

Поэтому, когда мне удалось аккуратно его, целого и невредимого, все же достать и пересадить на желтеющий листик, я уже ни с кем не хотела разговаривать. Натянув обратно фуфайку, прихватив страдальца, чтобы отнести туда, где его уже точно никто не найдет и не обидит, я ушла с площадки, повернув за кусты сирени, что росли у самого забора.

– Иди, – сказала я, стряхивая червяка возле большой промоины в земле. – Противному Димке никогда не попадайся. В следующий раз он тебя в живых не оставит.

И тут я увидела Мальчика.

«Интересно, – подумала я. – Из какой это группы он сбежал? Наверное, воспитатели еще не заметили, что его нет, иначе бы шум стоял по всем площадкам. Ага, значит, не одна я знаю, что в заборе есть место с выгнутыми прутьями, через которые пролезает моя голова, и потому, чуть попрыгав, можно выбраться на улицу?»

– Ты чей?

Он стоял по ту сторону забора и смотрел на меня, не мигая.

– Я ничей.

И тут только я заметила, что в руках он держал огромный рюкзак. Рюкзак был потрепанный и грязный. И Мальчик – тоже.

– А чего тогда ты тут стоишь? – спросила я.

– Смотрю, что за вашим забором делается.

– Ничегошеньки не делается. Тут скучота. На улице в сто раз интереснее.

– А вот и нет, – нехотя заспорил он.

– А вот и да! – настаивала я. – Мы, когда с бабушкой из сада идем, знаешь, сколько всего происходит? И машины едут, и прохожие всякие, и знакомых можно встретить случайно. Я вот вчера видела крысу, которая таскала недоеденное из тарелок на веранде кафе. А бабушка позавчера на улице аж со своей школьной подругой внезапно столкнулась!

И я только хотела в красках рассказать про то, как долго ахали, охали и обнимались две бабушки, и про то, как, пока они обменивались телефонами, я скормила свой сырок, бессовестно выдаваемый мне за мороженое, проходящей кошке, как Мальчик меня прервал:

– Ничего ты не понимаешь!

Я немножко обиделась и выложила свой самый козырный аргумент:

– Мы вот с бабушкой вчера гуляли в лесу и встретили собаку.

– И что? – не отводя взгляда от чего-то за моей спиной, лениво спросил Мальчик.

– А собака пошла за нами, но Бабушка ее прогнала, – затараторила я. – А сегодня утром мы открываем дверь, а она...

– И что?

Вопрос его словно ведром ледяной воды охладил мой пыл рассказать в подробностях, каким чудесным образом пес оказался под нашей дверью аж на девятом этаже.

Повисло тяжелое молчание.

Но Мальчик не уходил, а все время смотрел куда-то сквозь кусты, поверх моей головы.

– Что ты там высматриваешь?

– Хочу увидеть, как там у вас...

Что у нас можно было увидеть такого необычного, я никак не могла понять:

– Сказала же – скучно!

Он удивился:

– Почему?

– Потому что тут все понарошку. Даже машинки на площадке сделаны как качели и карусели. И переход через дорогу начерчен неправильный – маленький и узкий. Коляски для кукол игрушечные. Кастрюльки пластиковые. Я вот одну такую дома на плиту поставила, а она вдруг завоняла, смялась и стала черной...

– А ты как хотела?

– А я хотела бы, чтобы как у вас там снаружи – все по-настоящему.

– Ты хочешь быть взрослой?

Я не знала, хочу ли я быть взрослой – просто об этом никогда еще не думала! – и потому замешкалась с ответом.

– Вот и я не хочу, – подытожил Мальчик, и разговор опять оборвался.

Но говорить-то о чем-то было надо – не молчать же бесконечно!

– Смотри, какая красивая машина едет!

Мальчик нехотя оглянулся:

– «Фольксваген».

– Что?

– «Фольксваген»... Марка такая.

Он поставил свой грязный рюкзак на землю и сел на него:

– Это немецкая машина.

– А это? – спросила я, просто чтобы не обидеть его, – про машины, честно говоря, мне было слушать скучно.

– Это наш «жигуль». А вон «Волга» поехала. – Мальчик снова обернулся ко мне. – Вам сегодня на завтрак бананы давали?

– Нет.

– И нам не давали. А я бананы люблю. Нам их в детском саду каждое утро возле каши раскладывали.

– В нашем детском саду? – Я очень удивилась.

– Нет, в другом. Там. – Он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону по улице.

Мы помолчали.

– Я про все машины теперь все-все знаю, – неожиданно продолжил Мальчик, и в его бесцветном голосе прозвучало нечто вроде гордости. – У нас по всему дому автомобильные журналы валяются – папа их много покупает. Он хочет «мерс»... И я тоже...

– А что такое «мерс»?

– Тачка такая. Крутая очень.

– А-а-а, – протянула я, делая вид, что мне все понятно, хотя на самом деле не было понятно ничего.

Разговор опять оборвался. Но Мальчик уходить не собирался, продолжая высматривать что-то поверх наших кустов.

– А чего ты сидишь на рюкзаке?

– А на чем мне сидеть? – удивился Мальчик.

– У меня тут поваленное дерево есть. Хочешь, вместе посидим?

Мальчик обрадовался:

– Хочу, но... я же за забором.

– А ты лезь сюда.

– Забор высокий...

– В нем есть дыра, я тебе покажу.

Он протиснулся между выгнутыми прутьями за углом, прошлепал по шелестящим листьям, и мы вместе сели под желтеющим сиреневым кустом наблюдать за настоящими делами улицы.

Вот женщина тащит целых четыре пакета. Из пакетов торчат батоны, бутылки с молоком и капуста.

– Уронит, – сказал Мальчик.

– Нет, – сказала я.

А вон машина тормозит, из нее пулей вылетает мужчина с папкой. Машина тут же отъезжает. Мужчина сломя голову бежит на переход – ему как раз загорается зеленый свет – и тут роняет папку. Белые листы обильно устилают тротуар. Он на лету смешно ловит их, с трудом перегибаясь через свой живот, а пешеходный светофор неумолимо отсчитывает отведенные людям «зеленые» секунды.

– Успеет, – сказала я.

– Не успеет, – сказал Мальчик.

Кое-как, неловко, ворохом бумажки собраны и засунуты в папку. Но тут для пешеходов загорается красный. Машины, рывкнув, стартуют с места.

– Побегит, – говорит Мальчик.

– Не побегит, – говорю я. – Он же взрослый. Моя Бабушка всегда со мной стоит и дожидается зеленого.

– Он очень торопится.

– Ну и что?

И тут мужчина, ловко лавируя между машинами, все же побегал.

– Я же сказал, – с довольной усмешкой проронил Мальчик.

Мы опять замолчали.

Худенькая молодая женщина, налегая на ручку всем своим невесомым телом, словно груженную углем вагонетку, старательно толкает перед собой детскую коляску.

– Мальчик, – говорит Мальчик.

– Девочка, – заявляю я безапелляционно.

– Кто угодно, – соглашается Мальчик и примирительно поясняет: – Коляска же непонятно какого цвета.

Мы, видимо, оба представляем себе этого «кто угодно», потому что вдруг одновременно начинаем смеяться.

– Ну, наконец-то ты хоть в чем-то со мной согласен, – говорю я.

– Да, – скупое роняет Мальчик, и мы опять замолкаем.

Через какое-то время он вдруг произносит:

– Ты права. Отсюда все выглядит гораздо интереснее. Забавно наблюдать, как все куда-то торопятся.

– Всем к кому-то надо, – заключила я.

– Почему так решила?

– Так ясно же: с портфелями – на работу к начальнику, чтобы не ругался, с пакетами – домой, приготовить обед. А без всего – из сада и школы детей забирать. Я вот тоже сегодня очень тороплюсь. Прямо как Бабушка придет, так домой бегом побегу.

– Почему?

– Так меня же там под дверью пес ждет!

Мальчик помолчал, повозился, усаживаясь поудобнее, зачем-то пошарил по своим карманам.

– Я не люблю торопиться. И потом, мне – некуда.

Я так на бревне и подскочила:

– Как это некуда? Ты же куда-то шел?

– Никуда. Я просто шел, – сказал он.

– А тебе что, домой не надо?

– Зачем?

– Ну, не знаю... уроки сделать, книжку почитать... поиграть, что ли... покушать... телевизор посмотреть...

– Ради этого не стоит торопиться... Дома-то все равно никого нет – успею.

– Как это – никого нет? – На тот момент я еще никогда не оставалась дома одна и вдруг подумала, что тоже не знаю, а что бы я делала, если бы такое случилось?

– Отец на работе.

– А мама?

– Мама... – Он запнулся на секунду. – Мама уехала.

– А что, Бабушки у тебя нет?

– Есть. В деревне.

– А Дедушка?

– Дедушка умер.

– А собака у тебя есть?

– Нет. От нее шерсть по всей квартире.

– А кот?

– Зачем? От него вонь.

– Ну, хотя бы хомячок? Или морская свинка? Или крыса?

– Нет. Кто с ними будет возиться? Отец допоздна на работе. А когда приходит, смотрит телевизор или видик, потом ложится спать.

– А ты?

– А мне зачем?

И снова повисло тягостное молчание.

– Ты в школе учишься? – спросила я, так, чтобы что-то спросить – уж очень нелепым и нарочитым было наше молчание.

– Да.

– Я тоже совсем скоро пойду в школу. Здорово, правда?

– Совсем не здорово, – пробурчал Мальчик. – Скучно. Уроки все время делать... Мне уже надоело.

– А что тебе нравится?

– Смотреть, как вы все вместе играете здесь, за забором.

– А разве вы в школе все вместе не играете?

– Нет. Нам ставят двойки, и мы деремся.

Он оборвал с сиреневого куста пожелтевший листок, помял его в руке и выбросил. Потом сорвал еще один...

И тут нашу группу позвали на обед.

– Мне надо идти, – расстроилась я. – Иначе меня искать будут и накажут.

– Иди, – равнодушно сказал он.

– А ты?

– Я пойду дальше.

– Куда?

– Куда-нибудь... Просто пойду.

– А может быть, ты меня подождешь?

– Зачем? Вы же сейчас будете обедать, потом спать, потом полдник. И только потом вас гулять выведут.

– Но тебе же все равно не к кому торопиться? А я тебе печенье принесу. Или хлеб с маслом. Или яблоко. Или игрушку какую-нибудь. Поиграем вместе. Хочешь?

– Ну, может быть, – без особой охоты ответил он.

И я побежала догонять группу, по дороге думая о том, что Мальчик-то оказался действительно каким-то совсем «ничейным» и что я такого никогда еще не видела! Вот Катя из моей группы была «папина дочка», а Павлик – «мамин сын». Я сама – Бабушкина. Во время обеда, черпая ложкой борщ, я пришла к выводу, что, наверное, если Мальчик живет с папой, то все-таки он «папин». Но, доедая гречку с котлетой, почувствовала, что почему-то твердой уверенности в этом у меня нет.

К моей огромной радости, после обеда нянечка вынесла нам всем на выбор апельсины или бананы. Свой банан я есть не стала, а второй – стащила у противного Димки, он его взял, а потом оставил на столе. И все это я припрятала в шкафчик – для Мальчика.

Тихий час тянулся целый век, а мне так хотелось скорее обрадовать нового друга тем, что у него теперь есть целых два его любимых банана. Потом я стала обдумывать, как бы это так договориться с Марьстепанной, чтоб она разрешила Мальчику поиграть с нами на вечерней прогулке. Мне живо представлялось, как бы здорово было ему все показать: и мою любимую карусель, и качели, и, самое главное, «секретик», который мы с Надюшкой позавчера закопали за кустами в дальнем углу площадки: желтый цветок и большая белая бусина на красной конфетной фольге, накрытые зеленым стеклом. А потом бы, когда за мной пришла Бабушка, я попросила бы ее, чтобы Мальчик пошел с нами. Я бы тогда показала ему лежащего на нашем коврике вчерашнего улыбающегося пса – уверена, что он ему точно бы понравился! А потом бы Бабушка угостила их обоих своими самыми вкусными на свете оладушками с клубничным вареньем.

Кефир в полдник я проглотила одним махом, печенье рассовала по карманам, еще и у Юльки попросила – она все равно печенье не любит! И первой побежала одеваться. Но тут выяснилось, что, пока все спали, на улице пошел дождь и гулять мы вечером поэтому не пойдем.

Настроение мое совсем испортилось. До самого прихода Бабушки, пока, в ожидании родителей, все развлекали себя, как умели, я, забравшись на подоконник, сквозь заляпанное каплями окно все пыталась рассмотреть: ждет ли еще меня под кустом сирени тот «ничейный» Мальчик? Или совсем промок и все же пошел домой?

Первым делом, когда мы с Бабушкой вышли из группы, я бросилась к забору.

– Маша, Маша, куда ты, стой! – Бабушка за мной всегда не поспевала.

Но Мальчика уже не было. И его грязного рюкзака – тоже.

Я тихонько положила на бревно бананы и печенье – вдруг он все же придет?

– Маша, идем скорее, а то не успеем рыдающих «Богатых...» посмотреть! Где ты там застряла? – кричала Бабушка с площадки.

– Иду!

Мы вышли на улицу. Моросящий дождик постепенно стал набирать силу. Бабушка открыла зонт. Но он был высоко, а я была очень маленькая, и вода с края зонта капала мне на нос. Тогда я отвернула полу Бабушкиного плаща и спряталась под нее, как в домик, крепко-крепко прижимаясь к ее ноге.

– Бабушка, ну не может же быть так, чтобы кто-то был ничейный?

– Может, – озабоченно сказала Бабушка, приглядываясь к ближайшему магазину. – Кажется, нам все-таки придется постоять за хлебом... Накрылись мои богатые, которые плачут.

– Бабушка, так давай туда не заходить. – Мысль о том, что возле квартиры на коврике лежит мой новый друг, подгоняла меня домой, но спросить Бабушку, не ушел ли он, я не решалась.

– Ну, как не заходить... Хлеба дома нет. Завтра мне на работу, потом – за тобой.

– Но ты же серию пропустишь!

– Не велика потеря... Актриса переигрывает жутко... Где, в какой жизни они видели таких людей с такими характерами? Разве могут быть в реальности такие события? В этом «мысле мыльном» все так предсказуемо, давно всем все понятно, а они еще размазывают. Короче, Рая мне завтра по телефону перескажет.

– А зачем же ты смотришь, раз тебе не нравится?

– Ну, я же уже начала!

Поняв, что песика я увижу не скоро, я сникла. Мы переходили улицу к хлебному магазину, и мысли мои опять вернулись к Мальчику.

– Бабушка! Вот хоть ты на работу ходишь, а я – в садик, и мы с тобой долго не видимся, но все же: я – твоя, а ты – моя.

– Конечно!

– А почему?

– Потому что я нужна тебе, а ты – мне.

– А если человек совсем никому не нужен?

– Значит, он сам себе не нужен. Поэтому и ему никто не нужен, – отрезала Бабушка и толкнула дверь магазина.

От одного вида огромной очереди, хвостом своим вытягивающейся на улицу, меня обуряла страшная тоска. Несколько минут я маялась, держась за Бабушку, но когда терпение совсем кончилось, руку выдернула.

– Ты чего?

– Я на корточках посижу.

Какое-то время меня забавляло то, что я, как жучок, переползаю за Бабушкой вместе с движением очереди. Но, видимо, именно в этот вечер продавцам, как и Мальчику, тоже некуда было торопиться: хлеб отпускали очень медленно, и ноги мои затекли.

– Ба, ба... ба!

– Чего?

– Я пойду на окошке посижу. Посмотрю на людей, ладно?

– Ладно, – согласилась Бабушка. – Только чтобы я тебя видела.

Я села на низкий подоконник витрины. Но и на улице тоже не было ничего интересного: люди, сгибаясь пополам, чтобы спрятать лица от моросящего дождя, серыми силуэтами понуро трусили мимо меня. Я было попробовала, как научил меня Мальчик, высматривать, какие едут по дороге машины, но в частой дождевой сетке, колеблющейся за давно не мытым витринным стеклом, было не отличить одну от другой – лишь свет фар освещивал в заоконной мути.

Но, однако, видно было, как, срываясь со светофора, машины бесцеремонно обдавали тротуар веером грязных брызг и люди смешно отпрыгивали в сторону, а потом беззвучно (из-за стекла-то мне не слышно!) ругались, неловко и неповоротливо, как куры на насесте, обчищаясь, и грозили сжатыми в кулак перчатками вслед мигающим габаритным огням.

Мне опять очень захотелось спросить Бабушку, не прогнала ли она того песика. Я ввинтилась в плотный, исходящий мокрым паром слой людей, с трудом отличила полы Бабушкиного плаща и стала за них дергать:

– Баб... баб... ба...

Однако вскоре мне стало понятно, что это небезопасно: Бабушка как раз темпераментно выясняла с кем-то, кто где стоял, и мне могло «прилететь», что называется, «рикошетом». Пришлось вернуться на подоконник и издали наблюдать за постепенно накапливающимися страстями.

Вот женщина с трудом выпутывается из толпы, вдоль очереди передвигая свои пакеты – куда ей столько и как она понесет все то, что купила? Рук-то всего две, а пакетов... Вон бабушка с дедушкой – у дедушки в руках авоська еще пустая. Бабушку он заботливо под локоть поддерживает – наверное, ей стоять тяжело. А вот женщина: очки на носу, книжка в руках – все ее толкают, а она не замечает. Дамочка какая-то на высоких каблуках, в обтягивающих розовых штанах и розовой же кепке на абсолютно... розовых волосах, глядя в малюсенькое зеркальце, подкрашивает губы. Странные эти взрослые: охота им так долго здесь торчать? Книжки удобнее читать дома в кресле под лампой, пожилым людям под ручку лучше по бульвару гулять, чем здесь в духоте толкаться...

Время от времени поверх толпы выглядывало встревоженное лицо Бабушки с ищущими и перепуганными глазами. Найдя меня, она махала рукой или грозила пальцем – видимо, в зависимости от настроения в данный момент. Я тоже в ответ махала ей рукой и старательно кивала, дескать, все помню, никуда не ухожу, сижу как пригвожденная.

Сидела-сидела, вдруг вижу: на полу денежка валяется. Подобрала монетку, зажала в кулачок и только собралась Бабушке отнести – вот она мне конфету купит, так до зарплаты и доживем! – как надо мной навис старичок: весь в обтрепанных грязных одежках, худющий и очень злой. От него неприятно пахло, а главное – он мне Бабушку заслонил, ее теперь стало совсем не видно, и я занервничала.

– Ты чего тут, малявка, под ногами крутишься? – спрашивает.

– Бабушку жду, – отвечаю испуганно.

– Мотай давай к своей бабушке! – отчего-то разозлился старичок. – Накупит она тебе сейчас колбас да конфет. И еще красной икры сверху. Совсем народ с жиру взбесился... А кому-то вообще есть нечего!

Я испугалась и, нырнув в толпу, стала искать Бабушку. Нашла. Зацепилась за ее руку и стала размышлять, хорошо ли это – с жиром беситься или лучше без него?

Народ тем временем, чем ближе к прилавку, тем больше напирает. Вот кто-то об меня запнулся, чертыхнулся. От кого-то я сама шарахнулась, наступив этому кому-то на ногу, этот кто-то меня обругал, я испугалась, к Бабушке прижалась.

– Машенька, иди все же на окошке посиди, тебя ведь затопчут. А я сейчас... совсем немножко осталось, – жалобно попросила вконец измороженная Бабушка. Ей явно было не до меня.

Я опять кое-как пролезла под ногами, но на подоконнике теперь места не оказалось – сумки, сумки, сумки. Да и народу в магазине поприбавилось.

Нашла я какой-то перевернутый ящик, села. И тут опять тот старичок идет. Людям в глаза заглядывает и руку протягивает. А рука трясется. От него все прямо чуть не шарахаются.

Но так он жалобно эту свою руку тянет, что я не выдержала. Слезла со своего ящика, подбежала к нему и спросила:

– Дедушка, вас за руку подержать надо? Давайте я подержу.

– Чего? – оторопел старичок.

Люди в очереди вдруг перестали разговаривать и стали на нас смотреть.

– Ты чо, больная, что ли? – грубо спросил старичок.

– Нет. Если бы я была больная, бабушка не взяла бы меня в магазин, – уверенно сказала я. – Вы потерялись? Где ваша бабушка? Давайте я вас за руку возьму и к ней отведу.

Дедушка аж задохнулся от ярости:

– Издеваешься?! Вы все тут надо мной издеваетесь! Какая рука? Какая бабушка? Нету у меня руки! Я ее на войне потерял! – Его лицо покрылось красными пятнами, губы задрожали. – Нету у меня моей бабушки! Я ее в эту вашу перестройку гребаную потерял. Похоронить не на что было! Сын вон на «Ауди» раскатывает, а отец на помойке подбирается! Шлюха его, как елка новогодняя, в брильянтах, а отцу хлеба купить не на что... Будьте вы прокляты все с вашими «ускорениями», «гласностями», «приватизациями», «ваучерами»... В аду гореть вашим Мишкам Меченым, вашим Гайдарам с Чубайсами... Напустили в страну дерьма всякого... Разве за это мы в окопах четыре года вшей кормили?

И вдруг старичок заплакал.

Тут я встала в тупик – при мне взрослые дяденьки никогда не плакали.

– Вы, дедушка, не плачьте, – сказала я. – Вы за мою руку держитесь – и вам станет легче! Бабушка всегда так делает, когда я коленку разобью или палец порежу.

– Отстань ты со своей рукой! – заорал старик. – Я денег прошу – мне есть нечего! А еще ты тут!

Я хотела было уже зареветь от обиды, но тут вспомнила, что денежку нашла.

– Нате!

Старичок замер.

– Хоть ребенок старика накормит, – жалостно вздохнул кто-то в очереди.

– Угу... На водку ему не хватает, а не на хлебушек, – буркнул проходящий мимо мужчина.

Старик смотрел на меня, не мигая, и молчал.

– У меня больше нет! – на всякий случай сказала я.

Очередь тоже молчала. Внезапно женщина в очках голову от книжки подняла, в кармане покопалась и старичку в протянутую ладонь мелочи высыпала. И опять в книжку уставилась, словно ей отчего-то стыдно стало. А там и Бабушка, которую дедушка поддерживал, уже в кошелечке монетки перебирать начала. Какой-то высокий дядя деду в карман бумажку сунул...

И вдруг у старика стала трястись не только рука, но и голова. Мне от этого стало так страшно, что вслед за ним и я заревела. В голос.

Внезапно откуда-то Бабушка вынырнула – руки у нее заняты хлебом, сверх всего кошелек торчит, лицо сердитое и обеспокоенное.

– Что случилось? Упала или обидел кто?

– Обидел, – всхлипывала я. – Вон тот чужой дедушка. Монетку у меня взял, а от руки отказался...

– Какой руки? Какую монетку? Иди за мной немедленно! Сказала, далеко от меня не отходи! – забурчала Бабушка и стала проталкиваться к подоконнику, чтобы хлеб в сумку уложить.

– Я его за руку подержать хотела! – захлебывалась я. – Ты ведь всегда меня за руку держишь, когда мне плохо и обидно. А он голодный, его все обижают, а руку не взял.

– Сама виновата: сколько раз говорила я тебе чужим руку не давать, – словно не слыша, машинально продолжала Бабушка, рассовывая хлеб в целлофановые пакеты, прихваченные из дому. – Мало ли что у них на уме. Хватит реветь! А где ты денежку взяла. Я ведь тебе не давала.

– Нашла-а-а... – тянула я от души. – Мне дедушку жалко. Он такой некрасивый и злой, потому что его никто за руку не берет, когда ему плохо. У него бабушки нет...

Бабушка оглянулась, нашла глазами героя разыгравшейся драмы и в сердцах сказала:

– Пить надо меньше!

У меня даже слезы высохли от изумления:

– Что пить?

– Не важно! – Бабушка уже очень торопилась. – Господь с ним! Давай я тебе руку дам, пока я у тебя есть. Подбирай сопли, а то на улице и так мокро!

Бабушка вытерла мне нос, в утешение отломил от одного батона горбушку и подхватила сумки.

– Если мы пойдем очень быстро, то я еще застану половину серии!

Когда лифт остановился на нашем этаже, на коврик перед дверью в квартиру никого не было. И только я собралась опять зареветь, как с половины пролета лестницы на меня налетел серый пушистый ком и, едва не сбив меня с ног, горячим языком стремительно облизал всю физиономию. Возле мусоропровода у окна стояла большая, срезанная наполовину коробка из-под телевизора, в ней был постелен наш старый плед. Рядом расположились две мои детские мисочки: одна – с водой, а другая пустая – видимо, Тузик уже успел плотно поужинать.

Бабушка тем временем открыла замок, и пес, бросив со мной обниматься, пригнувшись под сумки и подстраиваясь под Бабушкин шаг, попытался прошмыгнуть в квартиру.

– Куда? – грозно одернула его бабушка.

Он смущенно присел, замигал глазами, попятился... Я заревела, а Бабушка сердито захлопнула дверь:

– Истерики прекратить! Ему постелили, он сыт и в тепле! Но у нас дома он жить не будет. Мы найдем ему хозяев.

И потащила сумки на кухню, чутким ухом улавливая последние такты музыки завершающейся серии «Богатые тоже плачут», которую смотрела моя Тетя.

– Света! Что там сегодня было – он ее все же нашел?

Не знаю, кто там кого нашел или не нашел в Бабушкином «мысле», но с того вечера хозяев нашему подъездному жильцу стали искать интенсивно. Бабушка, одним глазом глядя в телевизор, проводила «на телефоне» все вечера:

– Алло, Рая? Тебе собачка не нужна? А жаль. Ну, может, кто из твоих знакомых захочет... Да, спроси, пожалуйста...

– Алло! Тамара! Здравствуй, дорогая... Да, я нормально... Слушай, ко мне тут собачка прибилась... Ну я знаю, ты собак не любишь. Но у тебя же так много знакомых...

– Алло! Галя? Привет-привет! Слушай, ты не спросишь у себя на работе – может, кто собачку хочет...

Недели шли, но ни у Раи, ни у Тамары, ни у Гали никто из знакомых собачку брать не хотел. Поэтому всю осень это была моя особая забота: рано утром перед садом я бежала в подъезд поменять собачке миску с водой и отнести ему котлетку, или кусочек курицы, или косточку из супа. (Не будем говорить о том, что тайком от Бабушки в выходные я сплавляла песику свою манную кашу и ненавидимый мной молочный суп.) Песик исправно провожал меня в детский сад, Бабушку – в магазин, Тетю – до автобуса, которым она ехала на работу, лишь изредка покидая нас ради своего главного жизненного искушения: помоек. Однако, обещав все злчные места, он всегда возвращался в свою коробку.

Таким образом, с псом все как-то устроилось. А вот с «ничейным» Мальчиком – нет. Каждый день я исправно складывала для него в своем шкафчике апельсины, яблоки и конфеты, а на прогулке тайком относила все это под куст сирени. Даже два своих любимых оладушка, когда Бабушка их много нажарила, есть не стала, а завернула для него в специальную фольговую бумажку.

Но он больше не приходил. Как его разыскать, я не знала. Не могу же я сказать Бабушке: давай найдем просто Мальчика, который приходил к нам в детский сад. Вон их на улице

сколько – просто мальчиков. А вот спросить тогда, как его зовут, где он живет, в каком классе и в какой школе учится, я почему-то не догадалась.

Печенье давно склевали птицы, бананы почернели и сгнили. На бревне образовалась целая куча моих «подарков», неумолимо превращающаяся в мусор, поскольку день проходил за днем, а их никто не забирал. И однажды в момент, когда я оставляла для Мальчика очередной «паек», кто-то схватил меня за руку.

– А я думаю, кто это мне тут крыс прикармливает? Что это ты тут помойку устроила? Не знаешь, где у нас урны стоят?

Надо мной, грозно потрясая граблями, возвышался наш детсадовский сторож, он же дворник Иван Павлович.

– Ну, совсем зажрались барские детки! Кто-то на хлеб наскрести не может, а они, вишь, апельсинами брезгуют. Не хочешь есть – отдай кому-нибудь! Что ж ты продукт-то переводишь?

– А я и хотела отдать! – Поскольку я не была виновата, то старалась ответить твердо и решительно, но моя нижняя губа предательски задрожала.

– Кому? Кто здесь кроме птиц, дворовых собак да крыс бывает? Развела антисанитарию, понимаешь!

– Мальчику.

– Из какой группы?

– Ни из какой. Он уже в школе учится.

– Если он уже в школе учится, то, во-первых, неча на садовскую территорию тайком лазать. А во-вторых, это он тебя уже кормить должен, а не ты его.

– Он не может.

– Безрукий-безногий што ль? Школьник же!

– Он всего на чуточку старше меня!

– Но ты ж о нем позаботилась, хоть и младше?

Я сперва растерялась, потом подумала немножко и выпалила:

– Но я-то бабушкина, а он – ничей!

– Бомж, что ли? – забурчал Иван Павлович. – Крыс мало, так она еще сюда и бомжей прикармливает! Давай-ка собирай все это и неси в помойку. Я за тобой убирать не буду. Еще раз увижу – уши надеру!

Я очень сильно обиделась, а Иван Павлович уже повернулся ко мне спиной и стал сгребать слипшуюся почерневшую палую листву.

– Напридумали глупостей, – все больше раздражаясь, продолжал бурчать он: грабли цеплялись за корни, за ветки кустарника, не проходили между тесно стоящими стволами деревьев. – Листву, вишь, сгребай. На черта ее сгребать? Птицам на еду под листвой всякая нечисть себе дом зимний находит. Птица, она, по-ихнему, чем кормиться должна? Так и птиц скоро не будет... Опять же, земле тоже корм нужен. Нет, сгребай, пакуй... вывози. Немецкие огороды наша листва кормить должна, а наша земля, видать, и так обойдется. Тьфу!

Он в сердцах плюнул и недобро покосился на меня:

– Чего стоишь? Ручки марать не хочешь? Убирай давай!

– Не буду убирать! – возмутилась я. – Вы... вы... вы злой! Он не бомж, он с папой живет. У него мама уехала. А бабушка с дедушкой далеко. А папа много работает. Вот и получается, что он ничей. – Я уже почти плакала.

– А ты, значит, добрая? – Иван Павлович бросил грести листву, оперся на грабли и каким-то очень «хитрым» глазом глянул на меня из-под кустистых седых бровей. Его крупный, ноздреватый, в красноватых прожилках нос причудливо сморщился. – Какой месяц сюда все это таскаешь, а он и взять-то не озаботился? Значит, не нужно оно ему, твое добро?

Это было так неожиданно, что я не нашла, что сказать.

– Потому и ничей, видать, что добра ценить не умеет.

Иван Павлович закашлялся, отвернулся, сморкнулся в траву, зажимая пальцем последовательно каждую ноздрю, утерся рукавом и изрек:

– Ты давай дуй сейчас на площадку, бабушкина внучка, а то тебя воспитатели потеряют. И эту тряхомундию сюда больше не таскай. Очень хочется – дели свою пайку с кем-нибудь, кому она на самом деле надобится...

– Но я же только для него собирала!

– А другие, значит, твоего добра не достойны?

Я оторопела и... снова не нашлась что ответить. Прижала к себе принесенное яблоко и потрусилась к своей группе, на ходу раздумывая о том, а кому оно, мое добро, еще может быть нужно? Получалось, что из всех тех, кого я знала, оно могло порадовать только моего приبلудного мохнатого друга, что так прочно застрял в коробке на нашей лестничной клетке. Но едят ли собаки яблоки?

Оказалось, с огромным удовольствием! Пока Бабушка открывала ключом дверь, я тихонько сунула ему в коробку свой подарок, и он, довольный, зажал его между лапами и, совсем как человек, откусывая по кусочку, весело им захрустел. Его взгляд снова подернулся грустью лишь тогда, когда Бабушка, уже занесшая сумки и успевшая снять пальто, чуть не силой втащила меня в квартиру. И никакие мои слезы и даже Тетины уговоры не могли сломить Бабушкиного упорства: домой его пускать она категорически не хотела.

Но Судьба распорядилась иначе.

Буквально первый ее звонок прозвучал поздно вечером, когда Бабушка уже укладывала меня спать. Сперва на лестничной клетке раздался отчаянный визгливый лай, а потом – не менее пронзительный женский крик. Затем кто-то вставил палец в звонок, и, пока моя Тетя не открыла дверь, звук гремел над квартирой, как трубный глас.

На пороге стояла соседка с первого этажа Нина Ивановна. В руках ее трепыхался, отчаянно задышавшись и вереща, раскормленный карликовый белый пудель Филя.

– Чей недотерьер? – строго спросила Нина Ивановна.

– Ну, мы его кормим, а что? – вызывающе спросила Тетя.

– Мало того что все бомжи района пьют и колются в нашем подъезде, так вы еще тут собачник развели. Давайте весь приблуд к нам соберем! Приют для бездомных всего города устроим и задохнемся от вони.

– Он в подъезде не гадит! – захлебнулась возмущением Тетя.

– Не волнует. Убирайте собаку!

– Вы же на первом этаже живете. Мы – на девятом. Никому из соседей этот пес пока не помешал.

– Мне помешал! – категорически отрезала Нина Ивановна. – Мы с Филей спокойно в гости пройти не можем!

– Он на вас кинулся? – Это было просто невозможно, ибо наш жилец всех соседей девятого этажа встречал традиционной улыбкой и отчаянным вилянием своего буйного «фонтана», который от относительно спокойной жизни и регулярной кормежки стал еще пышнее и цветистее. И все ему потихоньку подкидывали чего-нибудь вкусного, все норовили приласкать. А Сергей Иванович из квартиры напротив пусть и безуспешно, но уговаривал жену взять пса к ним домой. Словом, он нравился всем, кто жил на девятом этаже.

– Нет, но Филя нервничает. Убрать собаку, или я вызову собаководку.

И словно подтверждая слова хозяйки, пудель отчаянно заверещал, скаля свои мелкие зубки в сторону сжавшегося в комочек «недотерьера».

– Хорошо, Нина Ивановна, – сквозь зубы процедила Тетя. – Мы ищем ему хозяина, поэтому вам придется потерпеть еще несколько дней. Воздержитесь пока ходить в гости, раз вам неприятно.

И Света в сердцах так хлопнула дверью, что в квартире задрожали стекла.

– Нет, ну ты видела? – возмущенно обратилась она к Бабушке. – Еще бы алкоголики к нам в подъезд не набивались! Народная тропа-то не зарастает! Где ж они распивать-то будут, если каждую ночь из окошка первого этажа им водку втридорога продавать? Сама же их и прикормила!

– Это не нашего ума дело! – отрезала Бабушка. – Пусть она с совестью и Богом сама разбирается.

– Праведницу из себя корчит! – бушевала Тетя. – Пес ей, видите ли, помешал! Лучше бы от всего, что она там в своих сумках домой притаскивает, косточку хотя бы какую-нибудь вшивую ему бросила. Так ведь удавится, спекулянтка чертова!

– Успокойся! Кому надо, тот ее сумками и займется. Ты лучше думай, что с псом делать, – тоже закипела Бабушка.

– Нет, ну что я – не права? Она ж к себе домой половину магазинного склада без всяких талонов перетаскивает! Нам всем жрать нечего, макароны из ушей лезут, а у нее все, вплоть до красной икры, достать можно! Как говорится, «любой каприз» за ваши деньги! Зинаида Степановна вон говорит, три холодильника по швам трещат!

– Ищи лучше, кому пес может быть нужен! – прикрикнула на Тетю Бабушка. – И делай это интенсивнее. Иначе эта красотка с ее связями быстрее нас подсуетится! Я предупреждала, что будут проблемы! Это вы у меня беспечные... Надо было сразу его прогнать.

А я под эту перебранку уже рыдала в подушку: виноватые глаза моего любимца, выглядевшего из-за спины противной Нины Ивановны, не давали мне спать всю ночь.

На следующий день на лестничной клетке состоялось совещание соседей девятого этажа. Выяснилось, что жена Сергея Ивановича очень любит собак, но у нее аллергия, и взять нашего жильца она к себе не может. У другой соседки на руках лежащая больная. Третий работал сутками, и с псом некому было бы гулять.

Бабушка была мрачнее тучи. Все соседи дружно клялись, что изо всех сил ищут новый дом для всеобщего любимца, а Тетя укоряющее смотрела на Бабушку. Любимец сидел в центре дружного соседского круга и виновато помигивал глазами, словно извинялся за то, сколько хлопот он наделал жалеющим его людям.

Между тем приближалась зима.

Все чаще промозглая ноябрьская сырость загоняла к нам в подъезд не только бомжей и подростков с пивом со всего района, но и мокрых котов и собак. Так на пледе рядом с нашим все еще безымянным другом появился... продрогший и худой котенок. Правда, прожил он со своим собачьим опекуном недолго: его забрала к себе соседка с пятого этажа. Но было очень трогательно наблюдать, как «недотерьер» терпеливо ждал, пока урчащий маленький «недотигренок» расправится с его котлетой или кусочком курицы. И только когда пушистое тельце сытно отваливалось от миски, закатывая глазки от подступающего сна, начинал есть сам. И как никогда не трогал мисочку с молоком, которую Бабушка наливала отдельно для трехцветного соседа.

Второй звонок Судьбы раздался тоже вечером.

– Прошел месяц! – провозгласила Нина Ивановна. – Я предупредила! Вчера в подъезде я видела крысу! С завтрашнего дня разложу везде крысиный яд. А на мусорнике шестого этажа использованные шприцы валяются. Про бутылки я просто молчу – хоть пункт сдачи стеклотары открывай. В подъезде, между прочим, маленькие дети есть. Поэтому сдайте, пожалуйста, деньги на домофон. Мне этот всеобщий бомжатник надоел.

– У вас же самой собака! Как же вам не совестно! – буквально захлебнулась от гнева Тетя.

– У меня домашняя собака! С прививками, на поводке и мытая.

С этими словами Нина Ивановна развернулась к нам задницей своего пуделя, безвольно висящего на ее руке и снова оскалившегося на коробку, где залег наш пес, и позвонила в квартиру напротив.

Я снова прорыдала всю ночь. Тетя поссорилась с Бабушкой. Утром выходного дня, кормя пса своими любимыми оладушками, которые утаила от Бабушки, я плакала не переставая – предчувствие чего-то недоброго, неумолимо подступающего ко мне не покидало. А он, помахивая хвостом, осторожно слизывал слезы с моего лица и... как всегда улыбался.

Раздраженная Тетя ушла на работу.

Не менее раздраженная Бабушка скомандовала мне скорее одеваться. Зинаида Степановна, время от времени убиравшая в квартире Нины Ивановны, принесла срочную весть: сегодня в «Гастроном» привезут сливочное масло! Следовало успеть отоварить на него талоны, ибо неизвестно, будет ли оно еще в продаже до конца месяца!

По дороге я все время ныла. Мало того что мне не улыбалось провести большую часть дня в толпе усталых и издерганных взрослых. Мысли мои были целиком заняты судьбой нашего питомца, и потому, проходя мимо него, положившего морду на трубу подъездной батареи и сладко дремавшего после обильного завтрака, я снова не смогла сдержать слез.

Один Бог знает, почему «недотерьер» в этот день за нами не увязался. Может быть, потому, что на улице было мрачно и промозгло, поскольку излет этой осени отличался снежной кашей под ногами, месить которую неуклюжими синими негнуцимися сапогами и в шубе было невыносимо жарко. Лоб под шапкой и капюшоном печет сил нет как! Руки в варежках преют, шарф кусается, словом, идти у меня не было никакого желания, и я канючила всю дорогу:

– Не хочу в магазин.

– А кашу я тебе с чем давать буду? – настаивала Бабушка. – К тому же талоны пропадут.

– Я не буду есть кашу! Я вообще больше никогда есть не буду...

– И конфеты тоже?

– Конфеты?.. Конфеты бу-у-уду...

– У нас и конфет нет...

– А ты купишь мне конфету? – По правде сказать, и конфет мне не хотелось, прямо какой-то дух противоречия засел во мне и не желал сдаваться.

– Нет, сейчас не куплю. Вот Света ходит в домоуправление, новые талоны получит, тогда...

– А когда она ходит?

– Через два дня.

– Тогда я два дня есть не бу-у-уду... пойдем домой...

– Не говори глупостей! – Бабушка была непреклонна и отступать от своих намерений не собиралась.

К снежной каше под ногами прибавился снегодождь с неба. Шуба стала постепенно набухать, мордаха у меня была вся мокрая, под свитерком на спине образовалась испарина.

Судя потому, что мы с трудом втиснулись в битком набитый распаренными людьми торговый зал, масло уже давали.

– Кто последний? За кем я буду? – надрывалась Бабушка.

Но ее никто не слушал. Толпа нервничала, волновалась, задние напирала, поскольку им было не видно подробностей разгоравшегося у прилавка скандала.

– Не, вы только посмотрите! – вытягивая шею, голосила какая-то женщина в меховой шляпке. – С ребенком она, понимаешь! Без очереди влезть хочешь?

– Да какой без очереди? – орал на шляпку из передних рядов покрасневший от натуги мужчина. – Она за мной уже часа три стоит!

– На предъявителя! На предъявителя! Одно лицо, одна пачка! – взвизгивал кто-то, кого совсем было не видно в кипящем людском водовороте.

– Одну пачку в руки давать! – категорично пробасил другой мужчина и, сняв мокрую нутриевую ушанку, отер красное вспотевшее лицо не менее мокрым рукавом пальто.

– То есть как это – по одной? Я же получила талоны на меня, на мужа и на ребенка! – отчаянно отбивалась от толпы молодая женщина. – Мне что же, и мужа с работы привести, и в очередь поставить?

– А он есть у тебя, муж-то? – цинично заржал кто-то.

– Да-да-да! – затараторила меховая шляпка. – Может, нет никакого мужа, а просто знакомый из ЖЭКа тебя лишними талонами снабжает?

– Вы что! Вы что! – слабо защищалась молодая мама. – Мне положено!

Притиснутая к самому прилавку, она с трудом держала на руках бессмысленно тараторившего глаза в возбужденную публику и беззубым ртом мусолившего баранку довольно крупного малыша.

– Полагается ей! – снова взорвалась меховая шляпка. – Это еще надо проверить, законно ли ты их получила?! А то знаем мы вас, красоток! Везде своего не упустите! А мужики и рады...

– Эдак каждый тут по оболтусу с собой притащит и скажет, что это его. А то и по двое! Надо еще проверить, ее ли это ребенок! – вторил ей хриловатый мужской голосок из толпы.

– По одной давать! – снова протрубила нутриевая ушанка.

– Нет, нет, на предъявленное лицо! На предъявленное лицо!

Энергично работая локтями, из толпы вынырнул очередной поборник справедливости – розовощекая, крепкая молодуха в платке.

– Что вы такое говорите, по одной? Я тут часа четыре уже торчу! Еще до того, как масло привезли, я очередь заняла! – затараторила она. – Креста на вас нет, по одной! Его, может, больше не привезут, что же, талонам пропадать, что ли?

– А у тебя небось тоже дома семеро по лавкам! – захохотал хриловатый мужской голосок. – Хана, ребята, не будет нам сегодня масла!

Очередь снова возмущенно закипела, затолкалась, взорвалась множеством надсадно орущих глоток, и в общем шуме было совсем не разобрать, кто на самом деле чего хочет.

– Попали мы с тобой, будь оно все неладно, – с досадой сказала Бабушка. – Никуда от меня не отходи и крепко держись за руку. Не ровен час, сорвет кого в драку – замесят!

Изнывая от жары и тоски, я послушно сжала Бабушкины пальцы, во все уплотняющейся массе человеческих тел то и дело утыкаясь носом то в противно воняющую псиную чью-то мокрую полушубы, то щекой скользя по охлаждающей поверхности чьей-то длинной болоньевой куртки, то созерцая смешно и нелепо расходящуюся на задку складку чьего-то пальто.

– Нет, так тебя совсем задавят! – Бабушка приподнялась на цыпочки и поискала глазами поверх голов. – Ага! Давай-ка вот сюда!

И с трудом вывинтившись из толпы, она поволокла меня к противоположному пустому прилавку, за которым на всех полках сиротливо высились с претензией на дизайн расставленные серые пачки соли. Взгромоздив меня на него, она строго-настрого приказала:

– Стой и не садись, иначе я не буду тебя видеть! – И снова исчезла в кипящем людском рое.

– Глянь-ка, – вновь хохотнул из очереди тот же хриловатый мужской голосок. – Еще одна с ребенком. Мамашкам дома заняться нечем, вот они и шастают по магазинам, скупают все. А нам, честным трудовым гражданам, шиш достается!

– А дети что, не люди? – заорала краснощекая молодуха в платке. – Им жрать не надо?

– Что ж ты, прежде чем плодиться, головой не думала, чем кормить будешь? – завизжала меховая шляпка.

– Кто знал, что мы тут все внезапно перестраивать начнем? – не полезла за словом в карман молодуха. – Перестроили, мать их... Куска хлеба не добудешь!

– Дурное дело не хитрое! – снова хохотнул хриловатый мужской голосок.

– А ты вообще молчи, – куда-то в направлении невидимого хозяина голоска заорала краснощекая. – Небось сам импотент, так многодетной и обзавидовался!

– Да ты... да тебя... да тебе... – Хриловатый мужской голосок внезапно перешел на тот русский язык, который я тогда еще не понимала.

– По одной в руки, и точка, – снова пробубнила нутриевая ушанка.

Теперь, стоя на прилавке, я все хорошо видела. И как в «броуновском» движении клокочет возбужденный людской улей. И как, поскольку подошла ее очередь, прижав к себе малыша одной рукой, пробивается к продавцам перепуганная молодая мама. И как немисленное дитя, кинув надоевшую баранку, не ведая, что творит, пытается выхватить у нее из рук судорожно зажатые деньги и три заветные серые бумажки – разрешение на вожделенное масло. И как по ту сторону весов, уперев руки в завязки ослепительно-белого передника, в белой кружевной наколке на голове, недовольно поджав губы и периодически оглядываясь на вторую такую же необъятную «снегурочку», ждет чего-то соседка Нина Ивановна.

– Вы масло мне дадите или нет? – с отчаянием спрашивает молодая мама, с трудом перекидывая тяжелого малыша на другую руку. – Или так и будем все только ругаться?

– Так что решили? – лениво разлепила губы Нина Ивановна, зычно перекрыв вопли очереди. – По одной давать или все талоны отоваривать?

И, словно в костер подбросили дров, весь честной народ снова взорвался спорами и оскорблениями. Продавщицы переглянулись и, поправив на голове сползающие с тугих химических завитушек кружевные наколки, синхронно сложили руки под грудью.

– Я требую, чтобы мне отоварили талоны! – беспомощно, со слезами в голосе перекрикивая толпу, надсаживалась молодая мама. Малыш, раздосадованный тем, что ему не дают порвать бумажки, чихнул и начал медленно заводить слезу.

– Не давать!

– Всем по одной!

– Отоварить все талоны!

– На предъявленное лицо!

– Мы тут по четыре часа стоим!

– Издевательство!

– Документы у нее проверить!

Шум стоял невообразимый.

– Дальше орать будем или что-то решать? – еще раз гаркнула Нина Ивановна. Ей такие ситуации были, видно, не впервой, потому она откровенно-насмешливо, цинично сучала.

И тут в буквально на секунду образовавшейся от ее вопроса паузе хриловатый мужской голосок из толпы издевательски произнес:

– А вот вы ребенку масло и выдайте! Посмотрим, оно ему надо или нет!

Толпа грохнула хохотом, но, на удивление, Нина Ивановна внезапно оживилась. Ошалевшее людское море в предвкушении шоу мощной волной бухнулось в прилавок.

– А и правда! – завопила меховая шляпка. – Его масло, так пусть и забирает!

– По одной давать! – упорно настаивала нутриевая ушанка.

– Правильно, правильно! На предъявленное лицо! По факту, – продолжал упорствовать кто-то.

Нина Ивановна меж тем не торопясь нагнулась, достала из ящика одну пачку и, выхватив из рук молодой мамы один талон, швырнула ее на прилавок.

– Это ваше законное, – процедила она.

Молодая мама неловко сгребла пачку в открытую сумку. Малыш с еще непросохшими слезами в глазах засмеялся и сам с собой стал играть в «ладушки», неловкими согнутыми пальчиками ударяя друг в друга.

– Мне что же, всех детей в очередь поставить? И чтоб каждый свое масло брал? – не унималась многодетная в платке. – Вам тут всем места не хватит, если я их приведу. Одна я очередь создам!

– Молчи, свиноматка! – снова хохотнул хрипловатый мужской голосок. – Не мешай пацану свое забрать!

Стоявшие прямо подо мной две женщины, до сих пор не принимавшие участия в этих баталиях, закачали головами.

– Совсем народ сбрендил! – сказала одна. – Что творят! Что творят!

– У нас еще ничего, – вздохнула другая. – У меня сестра в Киеве. Там вообще цирк. Талонов не ввели, а русские деньги отменили. Зарплату оберточными листами бумаги выдают – в такие у нас колбасу заворачивали, помните? А на них сантиметровыми квадратиками вся сумма и напечатана: один карбованец, три карбованца, пять карбованцев. Сверху штампов организации понаставят, да так, чтоб еще каждый квадратик под оттиск попадал, иначе не будет считаться. Так там продавщицы с ножницами не расстаются! Стоимость товара из этих листов и вырезают.

– А с копейками как же? – охнула другая. – Цена ж неровная.

– А вот так... Половина квадратика – пятьдесят копеек. А дальше – по фантазии.

– Как же можно в спешке точно отрезать?

– Про то и речь... Вот и спорят, кому сколько копеек отхватили – двадцать пять или тридцать семь... кого на сколько обсчитали. До мордобоя доходят.

– Господи-и-и-и... Весь мир с ума сошел... Вот не жилось людям... Черти че наделали...

Между тем вторая продавщица, так же не торопясь, вынула из пластикового ящика вторую пачку масла и, выхватив у молодой мамы второй талон, протянула карапузу. Круглые глаза малыша заинтересованно сосредоточились на заманчиво блестящей обертке. Несколько помедлив, он протянул ручонку, и пухлые пальчики, инстинктивно сжавшись, крепко обхватили угол бруска – на всю пачку ему естественно, не хватило ладошки. Несколько секунд он осмысливал сделанное, а потом потащил добытое в рот.

Молодая мама заботливо хотела подхватить, помочь своему отважному сыну, но тот же мужской голосок из толпы строго ее осадил:

– Не трожь! Пацан сам все знает!

И в эту секунду детские пальчики так же конвульсивно-инстинктивно разомкнулись, и тяжелый, скользкий для слабой детской руки кусок естественным образом ухнул на пол прямо под ноги заново прихлынувшей волне толпы.

– Не наступите! – истошно заорал чей-то женский голос.

– Не давать! Не удержал! – загорланил кто-то.

В мгновение ока в этом месте образовалось опасное завихрение: молодая мама, плюхнув сына на прилавок, нырнула вниз поднимать пачку, вслед за ней туда же исчезла какая-то женщина, за ней рванула другая, очередь напирала, кто-то упал. Малыш, лишившись мамы, удивленно закрутив большой круглой головой, потянулся было к весам, но, получив по руке от второй продавщицы, удивленно замер, и глаза его снова стали набухать слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.